

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
им. Г. ИБРАГИМОВА

А. К. Булатова

**ПОЛИСЕМИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Казань
2018

УДК 811.512.145
ББК 81.2
Б 90

*Печатается решением Ученого совета
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор, академик
М.З. Закиев

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Г.Р. Галиуллина**,
доктор филологических наук, профессор **М.Б. Хайруллин**

Булатова А.К.

Б 90 Полисемия в современном татарском литературном языке.
– Казань: ИЯЛИ, 2018. – 108 с.
ISBN 978-5-93091-267-8

В монографии рассматриваются вопросы развития татарской лексики на основе полисемантизма лексических единиц. Здесь освещаются основные закономерности развития многозначности слов, а также выделены причины и факторы образования лексической многозначности. Также охарактеризованы основные топологические виды полисемии татарского языка, обобщены результаты исследований по переносным значениям слов татарского литературного языка.

Монография предназначена лингвистам, преподавателям, аспирантам, студентам, и всем тем, кто интересуется вопросами семасиологии татарского языка.

УДК 811.512.145
ББК 81.2

ISBN 978-5-93091-267-8

© Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2018

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития языкознания приоритетными стали исследования, позволяющие увидеть своеобразие и определить ценность национального языка. В этой связи особую актуальность приобретает изучение лексики татарского языка. Данная работа посвящена системному описанию и исследованию семантических особенностей современного татарского литературного языка с аспекта многозначности слов.

Несмотря на то, что полисемия составляет традиционную проблематику языкознания [Гак, 1977; Никитин, 1988; Пауль, 1960; Шмелёв, 1964; Бреаль, 1924 и др.], изменение общего направления исследований требует переосмысления уже разработанных положений в исследовании явления и обоснования новых аспектов многозначности. В последние годы новое освещение получает проблема семантического единства многозначного слова [Песина, 2005; Стернина, 1999]; проводятся исследования общих законов образования значений; актуальна проблема природы полисемии [Кустова, 2001; Лещева, 1985; Ольшанский, 1987]. До сих пор остаётся дискуссионным вопрос разграничения полисемии и омонимии [Новиков, 2001; Пузанова, 1996]. Продолжаются сопоставительные межъязыковые исследования полисемии на структурно-семантическом уровне [Белеева, 2000].

Нельзя сказать, что в тюркских языках, в том числе и в татарском, не рассматривалась проблема полисемантической слов. В ряде случаев исследователи высказывают относительно явления лексической многозначности в тюркских языках прямо противоположные мнения. Так, вопросы полисемии в тюркологии исследованы в работах: в узбекском – М. Миртаджиевым [1964], карачаево-балкарском языке – С.Р. Биджиевой [2001], Ф.К. Аппаевой [2002], З.Х. Трамовой [2006], в казахском – К. Ахановым [1958], Р. Садыкбековым [1973], Т. Аликуловым [1966], киргизском Р. Бекджановой [1967], башкирском – М.Х. Ахтямовым [1966], татарском – И.Б. Башировой [2006], а в общетюркском

масштабе – А.А. Юлдашевым [1972] и Ж.М. Гузеевым [1985]. В ряде тюркских языков появились исследования, посвященные проблеме лексической вариантности слова, например, в казахском – И.К. Уюкбаев [1976]; киргизском – К. Сейдакматов [1982]; туркменском – А. Гельдымурадов [1974]. Однако, необходимо отметить, анализ тюркологической литературы, посвященной проблеме семантической структуры слова, в частности многозначности, показывает, что многие аспекты ее остаются недостаточно изученными и дискуссионными.

Полисемия в татарском языке, её изучение и описание до настоящего времени не были предметом специального исследования.

Цель данной работы – дать системное описание лексической многозначности в татарском языке с учетом синхронического и диахронического аспектов данного семантического явления.

Теоретико-методологической основой послужили труды Ю.Д. Апресяна, Д.Н. Шмелева, Л.А. Новикова, И.А. Стернина, Е.В. Падучевой, И.Г. Ольшанского, Г.Н. Склярёвской, Э.В. Кузнецовой, В.К. Харченко, С. Ульмана, А.А. Потёбни, Н.В. Никитина, Г.И. Кустовой, Ж.М. Гузеева, А. Юлдашева, Д. Батырмурзаевой, К.М. Мусаева, В.А. Звегинцева, А.А. Зализняк, А.А. Уфимцевой, К.С. Сабирова, Г.Х. Ахатова, И.Б. Башировой и других исследователей. В работах указанных исследователей всесторонне рассматриваются те или иные вопросы полисемии. В системе лексической многозначности особенно актуальными являются вопросы, связанные с развитием вторичных значений.

Работа представляет собой первый опыт монографического комплексного лингвистического исследования лексической полисемии татарского языка. В ходе изучения выявлены основные закономерности развития полисемантизма слов, а также выделены причины и факторы образования лексической многозначности. Также впервые охарактеризованы основные топологические виды полисемии татарского языка, обобщены результаты исследований по переносным значениям слов татарского литературного языка.

Разработанные в исследовании теоретические положения и выводы о развитии лексики путем образования лексико-семантических вариантов вносят определенный вклад в решение проблем семасиологии современного татарского литературного языка; изучение многозначности слов способствует определению

общих тенденций развития лексической системы языка; введенный в научный оборот лексический материал и выводы, сделанные в процессе анализа, могут служить основой для дальнейшего изучения лексикологии татарского языка.

Результаты и материалы монографии могут быть использованы при чтении лекций, спецкурсов по татарскому языку, в практике её преподавания в высшей и средней школе, в семинарах по лексикологии; языковой материал и полученные выводы могут быть применены в практике составления толковых, специальных словарей и учебных пособий по лексикологии и семасиологии татарского языка.

ГЛАВА I

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПОЛИСЕМИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Лексическая полисемия относится к числу традиционных проблем лингвистического исследования в теоретическом и практическом аспектах. В связи с лингвофилософской проблемой номинации явление многозначности интерпретировалось уже во времена Демокрита. Процессу полисемии посвящены многочисленные лингвистические исследования, представляющие большое количество самых разнообразных мнений по поводу данного языкового явления. Теория многозначности подробно разработана российскими и зарубежными (К. Рейзиг, Г. Пауль, К. Эрдманн, В. Вундт, Г. Шпербер др.) учеными на материале русского и индоевропейских языков. Известные российские языковеды внесли весомый вклад в изучение и развитие семасиологии (В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев, Н.М. Шанский, Ю.Д. Апресян, Э.В. Кузнецова, Л.А. Новиков и др.). Однако исследование полисемии продолжает оставаться актуальным и на сегодняшний день (В.А. Плунгян, Е.В. Падучева, С.А. Песина, Г.И. Кустова, Е.В. Рахилина и др.). В тюркском и татарском языкознании к проблеме многозначности уделяется также особое внимание (М. Миртаджиев, М. Ахтямов, М.И. Кидирниязова, У.М. Батырмурзаева, С.Р. Биджиева, Т. Аликулов, Г.И. Бичурина, Д.М. Гаптелганиева, И.Б. Баширова и др.).

В данной главе мы выделяем отдельные параграфы, посвященные изучению лексической многозначности в общем языкознании и в тюркских языках.

1.1. Изучение многозначности в языкознании

Попытки создания целостной системы теории полисемантичности в общем языкознании, несмотря на научные достижения, были предприняты лишь в конце XX столетия. Полисемия трак-

товалась с различных аспектов и ракурсов, что в свою очередь выделяет несколько направлений исследования столь многопланового и сложного языкового явления.

В общем языкознании существует ряд подходов к интерпретации лексической полисемии. Первый подход связан с тем, что в языке существуют только однозначные слова, причем такие, что каждое из которых соотносится только с одним денотатом. Выдающийся русский лингвист А.А. Потебня является первым ученым, теоретически обосновавшим теорию отсутствия многозначности в языке. Ученый развил теорию внутренней формы слова, в которой конкретизировал идеи В. фон Гумбольдта. Внутренняя форма слова – это его «ближайшее этимологическое значение», осознаваемое носителями языка (например, у слова *стол* сохраняется образная связь со *стлать*). Благодаря внутренней форме, слово может приобретать новые значения через метафору. Именно в трактовке А.А. Потебни «внутренняя форма слова» стала общеупотребительным термином в русской грамматической традиции. Он отмечал, что «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом», так как «слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т.е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения». Все вышеупомянутое позволяют А.А. Потебне сделать вывод, что многозначных слов нет, «на деле есть только однозвучность различных слов, то есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки» [Потебня, 1910, с. 15–16].

Известный российский и советский языковед, академик Л.В. Щерба об условности понятия полисемии пишет следующее: «Неправильно думать, что слова имеют по нескольку значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений <...>. Это вытекает логически из признания единства формы и содержания, и мы должны были бы говорить не о словах просто, а о словах-понятиях. В нашем повседневном употреблении мы скатываемся на формальную точку зрения, придавая слову значение “фонетического слова”» [Щерба, 1958, с. 78].

В.В. Колесов считает: «Многозначность – развернутое на поле словаря историческое, стилистическое, функциональное многообразие в проявлении всегда однозначных слов» [Колесов,

1984, с. 22]. Эта точка зрения указывает на то, что многозначность явление исключительно лексикографическое и к семантике слова отношения не имеет.

Многозначность в трудах зарубежных лингвистов, таких как Г. Пауль, К. Эрдманн, П. Стерн, рассматривается как аномалия, нарушение закономерностей, не засуживающее теоретического рассмотрения. Ученые исходят из того, что «“нормальным” случаем является снятие языковой многозначности слова контекстом, а отклонение от этой нормы объясняется особыми, не общими специальными причинами и поэтому не рассматриваются как закономерность» [Пауль, 1960, с. 45].

Немецкий психолог и языковед Вильгельм Вундт в книге «Проблемы психологии народов» (1900) пытается установить логические и ассоциативные тенденции переносов значений слов, выяснить закономерности изменения лексического значения слова [Вундт, 2010, с. 75].

Г. Шпербер предложил свою методику исследования явления полисемии. А. Уфимцева по этому поводу пишет: «Придавая чрезмерно большое значение эмоциональному фактору при определении сущности лексической семантики слова, Г. Шпербер выдвинул идею “эмоциональных комплексов”, что предполагало рассмотрение того или иного слова в его синтагматическом окружении» [Уфимцева, 1986, с. 26].

Второй подход основывается на признании наличия в языке только многозначных слов. Например, доктор филологических наук, академик Н.Д. Шведова утверждает: «Слово в целом обычно имеет несколько значений: оно неоднозначно или потенциально неоднозначно <...> существование однозначных слов не противоречит сказанному: любое слово всегда таит в себе готовность к семантическим модификациям, потенциал семантических сужений и расширений» [Русский семантический словарь, 2007, с. 357]. Аналогичную мысль об актуальной или потенциальной многозначности слова высказывает и В.В. Морковкин: «С точки зрения языка... все без исключения слова являются многозначными. У одних лексических единиц многозначность уже обнаружилась (актуальная многозначность), а у других еще не обнаружилась (потенциальная многозначность). В речи слово, как правило, однозначно, поскольку разные смыслы, соотносимые с одной и той же материальной оболочкой, образуют род семан-

тической парадигмы. Свойством же любой парадигмы является как раз то, что её элементы не могут реализовываться одновременно. Приведенное утверждение об однозначности слова в речи с точки зрения говорящего (пишущего) носит абсолютный, а с точки зрения слушающего (читающего) – вероятностный характер» [Морковкин, 1981, с. 156].

Третий подход состоит в том, что в языке наряду с однозначными существуют и многозначные слова. Данной точки зрения придерживается подавляющее большинство лингвистов, в частности В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, Д.Н. Шмелев, Р.А. Будагов, Ю.Д. Апресян, Н.М. Шанский, Л.А. Новиков и многие другие. Мы также являемся привержанцами данного подхода к изучению лексической многозначности. Видный советский лингвист, профессор А.И. Смирницкий в исследовании, посвященном лексикологии английского языка, определяет многозначность как «тождество слова при наличии двух или более отчетливо различных значений, выражаемых одинаковыми звуковыми отрезками» [Смирницкий, 1956, с. 39]. Ученый считает, что наличие у слова лексико-семантических вариантов не разрушает тождества слова: лексико-семантические варианты многозначного слова признаются связанными между собой звуковым тождеством, морфологическим составом, а также тесной смысловой связью [там же, с. 40].

Французский лингвист М. Бреаль, исследовав эволюцию значений слова, в книге «Опыт семантики, науки о значениях» («Essai de sémantique, science de significations») предложил термин «полисемия», понимая его, однако, в духе времени как чисто диахроническую область исследований, то есть как анализ исторических изменений значений слов. Ученый отмечает: «По мере того, как слову придаются новые значения, оно как бы размножается и производит новые единицы, подобные по форме, но отличные по смыслу. Мы будем называть это своеобразное размножение полисемией» [цитата дана по И.Е.Аничкову: Аничков, 1997, с. 47]. Но ему же и принадлежат слова «новое значение равносильно новому слову» [там же, с. 47].

По мнению известного лексиколога А.А. Уфимцевой, «когда мы говорим о лексико-семантическом варьировании слова, мы имеем ввиду внутрисловные различия (словозначения) и языковые средства снятия асимметрии словесного знака в данном языке» [Уфимцева, 1986, с. 67].

М.П. Муравицкая не принимает термин многозначное слово. По мнению ученого, многозначное слово – это условное понятие, служащее для обозначения комплекса лексем, объединенных между собой по принципу сходства в звучании, написании, словоизменении и т.п. Иными словами, многозначное слово понимается как комплексная единица, имеющая нетождественную форму (термин форма понимается нетрадиционно; это понятие объединяет в себе все структурные особенности слова, в первую очередь сочетаемость) и нетождественное содержание [Муравицкая, 1984, с. 74].

Интересны результаты исследования Ю.Д. Апресяна об отражении структуры значений в толковании, изложенные в его лингвистической работе «Лексическая семантика» (1974, 2009). Академик полагает, что суть полисемии в том, что в пределах одного слова, как и в лексической системе языка, формальным различиям соответствуют различия в содержании [Апресян, 1974, с.135].

Каждое многозначное слово имеет только одно общее значение, при этом данное значение может включать в себя различные понятия и иметь разные реализации в зависимости от контекста. Так считают В.А. Звегинцев, Р.З. Гинзбург. Такое мнение связано с пониманием слова (языкового знака) в соответствии с семиологической традицией как единства означающего (формально выраженной стороны слова) и значения (содержательной стороны слова). Необходимо также отметить и то, что понимание лексико-семантического варианта многозначного слова как обобщенной «содержательной стороны» способствует к дополнительному усложнению терминологии и не способствует раскрытию семантической структуры полисемичного слова.

В.А. Звегинцев, автор фундаментальных работ по русской семантике, высказывает мысль о том, что слово не может иметь несколько значений, «поскольку в лексическом значении закреплён результат определенного обобщения, следовательно, в одном слове не может одновременно происходить несколько разных обобщений» [Звегинцев, 1957, с. 125].

В общем языкознании существует также концепция лексико-грамматической полисемии, которая предполагает многозначность на уровне лексико-грамматических классов слов, а не только семантическую производность. Вопрос о многозначности

на уровне частей речи рассматривается многими исследователями, при этом используется различная терминология. Так, видный языковед-иранист В.А. Абаев считает, что возможность существования «не только лексической, но и лексико-синтаксической полисемии, когда слово, в зависимости от синтаксического употребления, выступает в роли то одной, то другой части речи: существительного или прилагательного, прилагательного или наречия, наречия или предлога (последнего) и т.п.» [Абаев, 1957, с. 42]. В другом месте такую полисемию ученый называет лексико-грамматической [Абаев, 1957, с. 43].

В.М. Жирмунский пишет о том, что при наличии в языке «одинаковых исходных (абсолютных) форм слова существительного и глагола, лишенных формальных признаков, с которыми может также совпадать неизменяемое по своей форме прилагательное (и наречие)» существует возможность перехода одной части речи в другую. В этом случае ученый «предпочел бы говорить о полиморфизме слова, присущем языкам определенного типа» [Жирмунский, 1964, с. 14].

В монографии «Очерки по грамматике английского языка» (1960) Г.Н. Воронцова отмечает, что «полифункциональность представляет собой, по существу, особый вид грамматического и лексико-грамматического полисемантизма, характеризующийся в отличие от последнего не наличием нескольких значений в пределах одной и той же функции (категории), а объединением нескольких функций, т.е. разнопорядковых назначений» [Воронцова, 1960, с. 50]

С.Д. Кацнельсон использует термин категориальная полисемия и определяет ее следующим образом: «Если какое-либо значение используется в различных категориальных функциях, то перед нами случай категориальной полисемии слова. Разница между значениями в таком слове минимальна. Значение каждого слова складывается из категориальных и эмпирических компонентов. В случае категориальной полисемии эмпирические компоненты одинаковы в обоих значениях; одно значение отличается от другого лишь своей категориальной характеристикой. При одинаковом эмпирическом содержании одно из них оказывается субстанциональным, а другое – несубстанциональным, либо оба значения оказываются несубстанциональными, но при этом одно из них атрибутивно, а другое – предикативно и т.д. При этом одно из таких

значений оказывается в слове основным, а другое – производным» [Кацнельсон, 1965, с. 173–174].

С.И. Богдановым высказывается мысль о возможности частеречной полифункциональности одного многозначного слова. Лингвист указывает на то, что отношения между исходной словоформой и словоформой, перенесенной в несвойственное для неё синтаксическое окружение, могут определяться как отношения варьирования одного полифункционального слова. Ученый считает, что «вряд ли оправдано в системном отношении постулирование существования в языке рядов противопоставленных друг другу лексем, материально тождественных и различающихся только на основании различия синтаксических функций...» [Богданов, 1998, с. 29–31].

Подробное описание лексико-грамматической полисемии дает в своей диссертационной работе М.А. Стернина. Ученый отмечает, что лексико-грамматическая полисемия существует в двух разновидностях – собственно лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности, которая может рассматриваться как более простой, частный случай лексико-грамматической полисемии слова. «В случае лексико-грамматической вариантности, – пишет М.А. Стернина, – одному набору лексических сем соответствуют две (а может быть и больше) лексико-грамматические семы. Эти лексико-грамматические (категориальные) семы находятся между собой в отношениях дополнительной дистрибуции и реализуются в зависимости от контекста. При лексико-грамматической же полисемии слова каждому новому набору лексических сем соответствует отдельная лексико-грамматическая сема. Соотношение лексических и грамматических сем при многозначности слова на уровне частей речи имеет, таким образом, двоякий характер: при лексико-грамматической полисемии отдельному лексическому значению слова однозначно соответствует одна лексико-грамматическая сема, при лексико-грамматической вариантности одному лексическому значению соответствуют уже две (или более) разные категориальные семы. Реализация той или иной лексико-грамматической семы в этом случае обусловлена контекстуальными условиями» [Стернина, 1999, с. 25–26].

На основании уровневого описания языковой многозначности М.А. Стернина предлагает новую, интегральную концеп-

цию полисемии, которая охватывает «два уровня полисемии слова и три ее вида – лексико-грамматическую полисемию, лексико-грамматическую вариантность и лексическую полисемию. Лексико-грамматическая вариантность, предусматривающая лексико-грамматическую многозначность при идентичности лексического значения, наряду с лексической полисемией, при которой лексико-грамматические семы идентичны и семемы различаются лексически, образуют низший уровень полисемии слова, в то время как лексико-грамматическая полисемия с многозначностью как лексической, так и лексико-грамматической, составляет ее верхний, высший уровень. При этом лексико-грамматическая полисемия, предусматривающая многозначность как на лексическом, так и на лексико-грамматическом уровне, как бы интегрирует, объединяет в себе и лексическую полисемию, и лексико-грамматическую вариантность» [Стернина, 1999, с. 36]. Необходимо отметить также и то, что в рамках интегральной концепции понятие полисемии существенно расширяется. Согласно этой концепции, распространяясь как на лексический, так и на грамматический уровень языка, полисемия пронизывает две основные составляющие системы языка – лексику и грамматику.

По мнению И.Г. Ольшанского и В.П. Скибы, полисемия является главным семасиологическим законом в языковом развитии [Ольшанский, Скиба, 1987, с. 67].

Исследование «Многозначность в языке и способы ее представления» известного российского ученого Анны А. Зализняк посвящено феномену языковой многозначности. Монография обобщает результаты исследований автора в области лексической, грамматической и словообразовательной семантики, концептуального анализа и русской языковой картины мира. Строится концептуальный аппарат описания многозначности, позволяющий адекватно описать недискретное по своей природе явление, каковым предстает многозначность в языке; центральное место в нем занимает понятие концептуальной схемы и множества ее реализаций. Рассматривается лексическая полисемия как проблема теоретической семантики и практической лексикографии; соотношение полисемии, синонимии и межъязыковой эквивалентности при реконструкции языковой картины мира; многозначность приставки в модели анализа и синтеза префиксальных глаголов; семантическая деривация

в синхронии и в диахронии с типологической точки зрения; языковая неоднозначность как смыслопорождающий фактор в художественном тексте [Зализняк, 2006].

В своем диссертационном исследовании С.П. Афанасьева справедливо полагает, что «явление многозначности слова или полисемия возникает, когда имеет место так называемая асимметрия языкового знака, когда слово, обозначающее один предмет или одно явление, начинает относиться ко многим предметам или явлениям» [Афанасьева, 1984, с. 99].

Л. М. Лещева разрабатывает генеративную теорию полисемии, которая описывает, интерпретирует и предсказывает семантическое развитие слова и характер восприятия полисеманта человеком [Лещева, 2001, с. 36].

Т. Е. Лебедева подвергает исследованию говоры русского языка, выявляя в них многозначность. Ученый отмечает, что «полисемантическая лексическая единица интегрирует массивы информации о разнородных объектах материальной и духовной действительности и эксплицирует их связи и отношения, репрезентируя значительные объемы данных в максимально сжатой форме и представляя особый способ концептуальной организации совокупного опыта, знания, приобретенного конкретной языковой общностью» [Лебедева, 2002, с. 33].

Семантическая структура отдельного слова не остается неизменной даже в пределах одного промежутка времени, она подвергается разнообразным языковым и неязыковым влияниям и может изменяться, утрачивая какие-то свои семантические оттенки, или, наоборот, приобретая новые. Закрепление за словом переносного значения может также привести к вытеснению основного исходного значения [Шмелев, 1973, с. 107; Булаховский, 1953, с. 44; Реформатский, 1967, с. 134; Шанский, 1977, с. 56].

Семантическое развитие полисемантического слова – результат семантической связи каждой из семем слова со всеми взаимодействующими с ним элементами языка. Степень связанности семемы со всеми взаимодействующими компонентами определяется контекстуальными особенностями [Бердимуратов, 1964, с. 14]. Семантическое соединение значений слова с другими элементами языка зависит и от того, является ли данная семема частотной или контекстуально-ограниченной [Кацнельсон, 1965, с. 53].

Изучение лексической семантики связано со многими явлениями

ями языка, например, с таким понятием как эквивалентность значений [Апресян, 1974; 1967], имеющей отношение, как к полисемии, так и к омонимии.

Е.И. Шендельс в своей статье «Грамматическая полисемия» пишет: «В основе полисемии – как лексической, так и грамматической – лежит положение о том, что, несмотря на единство означаемого и означающего как двух сторон языкового знака, между ними нет прямолинейно соотношения. Один знак (одна единица выражения) может соответствовать нескольким элементам содержания, и наоборот, один элемент содержания может быть выражен разными знаками» [Шендельс, 1962, с. 51].

Многозначность, или полисемия, вытекает из самой сущности языка. Абсолютное большинство слов естественных языков полисемичны. Как справедливо отмечает видный зарубежный исследователь С. Ульман, «полисемия есть, по всей вероятности, семантическая универсалия, глубоко коренящаяся в фундаментальной структуре языка. Иное положение трудно себе представить: это означало бы, что мы должны держать в мозгу чудовищный запас слов с отдельными названиями для любого явления, о котором нам понадобится говорить» [Ульман, 1970, с. 267]. «Именно ограниченность объема человеческой памяти и классифицирующая деятельность человеческого сознания, – пишет М.И. Задорожный, – и обуславливают полифункциональность языкового знака, то есть его закрепленность не за одним каким-то явлением действительности, а за классами и за классами классов явлений» [Задорожный, 1971, с. 9–10]. «С точки зрения теоретической, а точнее, общесемiotической, – отмечает ученый, – полисемия есть не что иное как проявление принципа экономии в языке, результат классифицирующей и обобщающей деятельности человеческого мышления. Действительность безгранична, возможности же памяти ограничены. И если бы в кодовом устройстве языка каждому явлению действительности соответствовала отдельная инвентарная единица, он превратился бы в бесконечный и бессистемный набор этикеток, удержать который ни одно естественное запоминающее устройство было бы не в состоянии» [Задорожный, 1971, с. 9–10].

Отметим, что на данный факт, с которым мы также согласны, обращали и обращают свое внимание многие лингвисты. Так, А.И. Смирницкий отмечает, что «многозначность слов возникает вследствие того, что язык представляет систему, ограниченную по

сравнению с бесконечным многообразием реальной действительности» [Смирницкий, 1956, с.156].

В.В. Виноградов, посвятивший многочисленные работы слову естественного человеческого языка, по этому поводу пишет: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий...» [Виноградов, 1952, с. 18].

По мнению Р.А. Будагова, «...многозначность (полисемия) слов осложняет лексику, но вместе с тем дает ей возможность стать великолепным средством передачи бесконечно многообразных и разнообразных мыслей и чувств людей, живущих в обществе» [Будагов, 1974, с. 133]. Так же ученый справедливо отмечает «Лексика языка увеличивается не только и даже не столько количественно, сколько качественно: появляются новые значения у старых слов, переосмысливаются соотношения между их старыми и новыми значениями. Количественное увеличение словаря, само по себе важное, но не поддержанное его качественными трансформациями, привело бы к утрате преемственности в смысловом развитии языка» [Будагов, 1974, с. 119].

Л.А. Новиков также указывает на то, что «обобщение, свойственное человеческому мышлению, неизбежно отражается в самом языке, и одним из проявлений этой закономерности является полисемия. Многозначность, представляющую собой одну из разновидностей знакового отношения, следует рассматривать как проявление человеческой склонности к экономной систематизации в языке предметного мира, внеязыковой действительности» [Новиков, 1982, с. 56]. Исследователь отмечает: «Полисемия как лексическая категория – это семантическое отношение внутренне связанных (мотивированных) значений, выражаемых формами одного слова (одной лексемой) и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим позициям этого слова» [там же, с. 189].

М. В. Никитин подчеркивает, что «полисемия – конститутивное свойство естественных языков: естественные языки не могут не развивать многозначность своих единиц, так как это позволяет им за счет ограниченного числа единиц экономно выражать гораздо

большее число значений. Кроме того, полисемия отражает ассоциативное сближение выражаемых идей» [Никитин, 1988, с. 203].

Человеку свойственно видеть и сравнивать схожее, подобное, и лексическая многозначность является результатом использования уже существующих слов для обозначения новых явлений или предметов на основании их сходства. Д.Н. Новиков так пишет об этом: «...Полисемия обусловлена самой природой мышления – стремлением и умением видеть подобное, подсознательной потребностью все сравнивать. То есть, полисемия есть результат того, что Человек использует уже существующее слово, поскольку на основании своего опыта видит некое сходство предмета, нуждающегося в именовании, со знакомыми. Семантическая деривация основана на человеческой способности соизмерять, ассоциировать разные категории, и такое соизмерение происходит в соответствии с собственно человеческим масштабом знаний и представлений» [Новиков, 2001, с. 36].

В целом можно отметить, что, по мнению большинства ученых, полисемия вытекает из самой сущности языка, является результатом потребностей общества и одной из особенностей человеческой речи.

Так, Э.М. Медникова отмечает: «Полисемия – это наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений; таким образом, один и тот же фонетический (звуковая оболочка) и орфографический комплекс используется для обозначения реально различных предметов, явлений, процессов, а, следовательно, и употребляется в различных по смыслу словосочетаниях (контекстах)» [Медникова 1974, с. 44].

Сходную мысль высказывают также Э.В. Кузнецова и Л.С. Пухаева. «Многозначное слово, – пишет, в частности, Э.В. Кузнецова, – представляет собой как бы пучок нескольких семантических вариантов, значений, соотнесенных с одной лексемой. Эти варианты или отдельные значения образуют внутрисловную семантическую парадигму слова, являются семантически связанными друг с другом и реализуются в различных типовых контекстах» [Кузнецова, 1980, с. 101]. Л.С. Пухаева отмечает, что «слово кроме основного предметно-логического значения может иметь ряд производных предметно-логических значений, связанных между собой единым семантическим стержнем и различаемых характером сочетания данного слова

с другими словами, иногда – более широким контекстом или ситуацией... Но как бы ни были различны отдельные значения многозначного слова, все они группируются вокруг одного смыслового стержня» [Пухова, 1994. с. 64]. В рамках проблемы полисемии непосредственный интерес представляет изучение семантических отношений между значениями, образующими смысловую структуру многозначного слова. Как отмечает Д.Н. Шмелев, – «значения многозначного слова объединяются в семантическое единство благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность)» [Шмелев, 1964, с. 94].

М.В. Никитин, указывая на то, что значения многозначного слова объединены содержательными связями, выделяет импликационные и классификационные. По Никитину, импликационные связи – это мыслительный аналог реальных связей сущностей объективного мира, их взаимодействий и зависимостей. Это отражение связей между вещами, между частью и целым, между вещью и признаками, между признаками. Частный случай импликационных связей – это метонимические связи значений, включая синекдоху, но, как подчеркивает автор, понятие «импликационные связи» более ёмко, чем понятие «метонимии». Классификационные связи – это мыслительный аналог распределения признаков в вещах. Это связи по общности содержащихся в них семантических признаков. Классификационная связь, по Никитину, шире, чем традиционная метафора [Никитин 1988, с. 66–73].

Большой интерес для семного анализа многозначного слова представляет типология семем М.М. Копыленко и З.Д. Поповой, согласно которой различаются денотативные (прямое номинативное и производно-номинативное значения) и коннотативные семемы. Денотативные семемы (D^1 и D^2) ассоциируются с реалиями внешнего мира, отраженными и закрепленными сознанием в значении слова в качестве их первичных, производных (D^1) или вторичных, производных, но единственных языковых знаков (D^2). Коннотативные семемы K^1 , K^2 и K^3 служат дополнительным обозначением денотатов, уже имеющих прямые наименования, и различаются между собой степенью близости к денотативной семеме. При этом коннотативная семема K^3 встречается только в составе идиом [Копыленко, Попова, 1989, с. 31–32].

В своей монографии «О границах полисемии и омонимии (на материале абхазского языка)» Л.Х. Саманба делает попытку разграничения явлений полисемии и омонимии и лексико-семантической классификации полисемантических и омонимичных слов [Саманба, 2002].

А.В. Калинин отмечает, что «сущность полисемии заключается в том, что какое-то название предмета, явления переходит, переносится также на другой предмет, другое явление, и тогда одно слово «обслуживает» в качестве названия одновременно несколько (два или более) предметов, явлений» [Калинин, 1978, с. 232].

М.Г. Арсеньева, Т.В. Строева, А.П. Хазанович в монографии «Многозначность и омонимия» делают попытку решения проблемы разграничения полисемии и омонимии. В качестве критерия такого разграничения авторы предлагают учет правил синтаксической и лексической сочетаемости слова [Арсеньева и др., 1966].

Изучение полисемии остается актуальной и на сегодняшний день. В этой области семантики проводят исследования такие известные российские лингвисты как В.А. Плунон (полисемия послелогов), Е.В. Падучева (многозначность в сфере глагольной лексики), С.А. Песина (когнитивная лексика), Г.И. Кустова (семантические деривации), Е.В. Рахилина (многозначность служебных частей речи) и др.

Как видим, в языкознании существует множество мнений и разработок о многозначности слова.

1.2. Изучение полисемии в тюркологии

В тюркологии проблемы семантики изучаются всесторонне. В последние годы особенно возрос интерес к полисемии и вопросам развития семантики. Появилось значительное число научных работ и диссертаций в узбекском, казахском, киргизском, туркменском, карачаево-балкарском и других языках. Многие вопросы полисемии изучаются в тесной связи с остальными сторонами семасиологии и лексикологии, в частности с омонимией. Однако необходимо подчеркнуть и то, что обобщающих исследований в области полисемии тюркских народов практически нет. Нужно отметить, многие вопросы полисемии прямо связаны с исторической лексикологией. При исследовании семантики тюркского слова необходим также

всесторонний учёт особенностей семантики диалектной лексики, как обладающей комплексом значений, что наиболее адекватно отражает языковую реальность.

Проблема выделения омонимов и разграничение их от многозначных слов связана также с таким явлением, как разрыв семантических связей слова [Виноградов, 1953; 1968]. В ряде тюркологических исследований рассматривается вопрос смыслового соотношения послелогов со знаменательными словами, от которых они образуются, изменяя при этом в некоторой степени свое исходное значение. При разграничении омонимов от многозначных слов следует обратить внимание не только на смысловые связи слов, но и на семантический разрыв генетически родственных слов, чаще всего омонимов [Беширов, 2002].

Многие вопросы полисемии тесным образом связаны с решением различных аспектов лексикологии и семасиологии [Аликулов, 1966]. Причем, некоторые вопросы появления полисемии остаются логически не совсем ясными [Биджиева, 2001; Батырмурзаева, 1996].

Проблема возникновения многозначности занимает в тюркологии значительное место [Аликулов, 1966; Гельдымурадов, 1974; Назаров, 1974]. Так, например, многие исследователи правомерно определяют лингвистическую сущность конверсии и многозначности как лексико-грамматический способ словообразования [Гак, 1977]. Они полагают, что при конверсии между производным словом и исходной основой устанавливаются отношения семантической производности, происходит изменение лексической семантики производного слова, связывающей ее со значением исходной основы, изменяются сочетаемость производных основ и парадигматика слова [Ганиев, 1990, с. 31].

В работе Ж.М. Гузеева исследуются многие спорные вопросы семасиологии и лексикографии в тюркских языках: выделение и разработка словообразовательных значений слова, принципы выделения, отбора и размещения омонимов и многозначных слов в различных словарях [Гузеев, 1985].

Большой вклад в изучение полисемии и вопросам развития семантики внес известный тюрколог К.М. Мусаев. В его работах, посвященным изучению лексики тюркских языков, освещаются многие вопросы содержательной стороны языка, т.е. семантики [Мусаев, 1984].

Видный тюрколог А.А. Юлдашев в своей монографии «Принципы составления тюркско-русских словарей» освещает проблему значений многозначных слов и их лексикографическую разработку [Юлдашев, 1985].

Значительное место в семасиологических исследованиях занимает вопрос о смысловых связях многозначных слов. В этом отношении представляет интерес работа Б.И. Татаринцева, посвященная смысловым связям и отношениям слов в современном тувинском языке. Б.И. Татаринцев на богатом фактическом материале одного из тюркских языков анализирует многие важные вопросы семасиологии, парадигматические смысловые связи и отношения лексико-семантических вариантов, метонимические и метафорические переносы [Татаринцев, 1987].

М.И. Кидирниязова в диссертационном исследовании «Полисемия в ногайском языке» замечает то, что «полисемия как лексическая категория – то семантическое отношение внутренние связанных мотивированных значений; выражаемых формами одного слова (одной лексемой) и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим позициям конкретного слова» [Кидирниязова, 2003, с. 37].

Башкирский исследователь М.Х. Ахтямов в учебном пособии «Современный башкирский язык. Лексикология, фразеология, лексикография» отмечает, что полисемантические слова составляют большинство в лексике башкирского языка. В основном это общеупотребительные слова. Автор считает, что развитие лексических значений приводит к многозначности и в качестве примеров приводит виды переносных значений метафоры, метонимии и синекдохи [Ахтямов, 2002, с. 19–20].

Семантическая направленность лексикографической теории в современной тюркологии предполагает подробное изучение проблем полисемии и омонимии, установление принципов разграничения многозначных слов и выявление омонимов различного происхождения [Гарипов, 1979, с. 76].

Известно, что разные типы многозначных слов обладают различными ограничениями на сочетаемость формальных и семантических показателей. В этом плане важно изучение переносного значения конкретного слова, которое показывает основные направления семантического развития и становления многозначности или омонимии [Мухамеджанов, 1968, с. 15].

Изучение семантической структуры многозначного слова должно проводиться с учетом его функциональных свойств. Так, например, семантико-функциональный аспект сравнительного изучения именных частей речи в тюркских языках дает для семасиологии интересный материал. Проблема многозначности в тюркских языках в частности в казахском языке связана и с такими вопросами как формальные и семантические связи слов и их преобразования. Так, казахское прилагательное *калынг* имеет три основных значения: 1) «густой»; 2) «толстый»; 3) «заросли», которые классифицируются как омонимы. Точно так же и их производные формы типа: 1) *калынглык* «густота»; 2) *калынглык* «толщина»; 3) *калынглык* «большие заросли» создают новые семантические связи и отношения [Садыкбеков, 1973, с. 14], которые в значительной степени обогащают тюркскую лексику. Основа *калынглык* «заросли», будучи омонимом относительно первых двух производных (*калынглык* «густота»; *калынглык* «толщина»), становится синонимом относительно других казахских параллелей. Аналогичные отношения характеризуют омонимы и многозначные слова и в татарском языке [Салимгараева, 1982, с. 10].

Отдельную проблему составляет вопрос номинации в лексике, точнее вопрос образования переносного значения [Мухамеджанов, 1968]. Это явление весьма актуально для современной семасиологии татарского языка. Вопросы переносного значения смыкаются с вопросами словообразования, конверсии и многозначности.

С.Р. Биджиева внесла весомый вклад в изучение полисемии, она выделяет метафорический и метонимический перенос названий, которые в карачаево-балкарском языке занимают основное место при образовании полисемии [Биджиева, 2001].

В своей работе «Многозначность именных и глагольных основ в кумыкском языке» У.М. Батырмурзаева рассматривает вопросы полисемии, омонимии, синонимии и антонимии. Проведено тщательное исследование лексико-семантической структуры кумыкского слова: существительного, прилагательного, наречия и глагола на различных уровнях – внутрисловно-парадигматическом (с целью разграничения многозначности и омонимии) и синтагматическом уровнях в сочетании с различными синтагмами. Автор приходит к заключению, что в процессе исторического развития имени и глагола появляются новые значения и их оттенки, которые последовательно развиваются [Батырмурзаева, 1996].

В.И. Рассадин в своей диссертационной работе «Лексика современного тофаларского языка» описывает лексическую систему тофаларского языка, языка одного из малочисленной тюркоязычной этнической группы. В третьей главе данной исследовательской работе ученый дает семантическую характеристику лексике, в частности многозначность и изменение значений слова, омонимию, синонимию, антонимию, эвфемизмы. Автор отмечает, что «многозначность слов любого языка является результатом развития значения слова от конкретного к абстрактному» (*iz'ek* 'сердцевина дерева' и *iz'ek* вообще 'любой центр') [Рассадин, 1967, с. 34–35].

Т. Аликулов в исследовании «Полисемия существительных в узбекском языке», указывает, что «полисемия – это способность слова владеть несколькими лексическими значениями в синхронном аспекте». Например, узбекское слово *egет – иигит* со значениями: 1) 'парень', 2) 'молодой человек', 3) 'мужественный', 4) 'поклонник', 5) 'солдат' [Аликулов, 1966, с. 16]. Также узбекский исследователь М. Миртаджиев рассматривает расщепление полисемии как основной способ возникновения лексических омонимов в узбекском языке [Миртаджиев, 1967, с. 14].

В татарском языкознании лексической полисемии посвящено немало работ (Ш. Рамазанов, К. Сабиров, Г. Ахатов, И.Б. Баширова, Ф.С. Сафиуллина, Д.М. Гаптелганиева и др.). В татарской лингвистике полисемия изучается, исходя с различных аспектов. В учебниках по лексикологии татарского языка проблеме полисемии посвящены отдельные главы (Сабиров, 1965, с. 22–26; Ахатов, 1975, с. 9–12; Сафиуллина, 1999, с. 19–27), также многозначность рассматривается в связи с синонимией (Ханбикова, 1977, с. 50–57), фразеологией и идиоматикой (Ахунзянов, 1963, с. 30–38), профессиональной лексикой (Рахимова, 2002), ономастикой (Саттаров, 1998; Гарипова, 1998; Галиуллина, 2008), диалектальной лексики (Махмутова, 1978; Рамазанова, 1991; Баязитова, 2007; Хайрутдинова, 2000; Садыкова, 2003), концептологией (Сагдеева, 2003; Галиуллина, 2005 и др.). Ш. Рамазанов является одним из первых татарских лингвистов научно исследовавшим развитие значений слова. Ученый рассматривает полисемию в связи с семантическим способом словообразования, полагая, что с расхождением некоторых вариантов многозначного слова возможно появление лексических омонимов. Он полагает, что слова

и их значения изменчивы, они могут изменяться по требованию общественности. На примере автор рассматривает слово *кара* (чернила), первоначально обозначающее жидкость черного цвета для письма, но с истечением времени начали использовать красные и зеленые чернила, а слово *кара* осталось: *кызыл кара* ‘чернила красного цвета’ – *яшел кара* ‘чернила зеленого цвета’ [Рамазанов, 1954, с. 126].

Полисемантическое слово рассматривается Ш. Ханбиковой как система значений и подзначений, закономерно связанных между собой, а также со значениями других слов [Ханбикова, 1997, с. 50–57]. В этой связи уточняется понимание проблемы соотношения слов и понятия, многозначного слова и понятия, которое обобщает все признаки предмета и явления, эти признаки контекстуально зависимы. Изучая многозначность слов, Ш. Ханбикова приходит к выводу, что основной причиной полисемии является диффузность некоторых значений (она приводит в пример глагольные слова *кыш килә* ‘наступает зима’, *акыл жыю* ‘поумнеть’, *жил тәрәзә кага* ‘ветер стучится в окно’ и т.д.).

Известный лексиколог Ф.А. Ганиев изучает многозначность как один из способов развития лексической системы татарского языка. Автор утверждает, что многозначность в тюркских языках существует давно, аргументируя это примерами из словаря М. Кашгари «Дивану лугат ат-тюрк» (1072–74), из памятников общетюркской и татарской литературы. Процесс расширения значения идет непрерывно, и поэтому закономерно, что большинство слов татарского языка многозначно, утверждает Ф.А. Ганиев. В статье приводятся примеры с многозначными словами *баш* ‘голова’, *кул* ‘рука’, *килу* ‘прийти’, *чыгу* ‘выйти’ и др. [Ганиев, 1990, с. 34].

В трудах Г.Ф. Саттарова изучается многозначность географических объектов. С расхождением семем появляются новые слова, иные значения географических объектов, отмечаются конкретные модели семантического способа образования географических терминов (*үзәк* ‘центр’, *баш* ‘вершина’, *каш* ‘бугор, скат’) [Саттаров, 1981, с. 56].

Г.Х. Ахатов дает определение многозначности, изучает виды переноса значений: метафору, метонимию, синекдоху. Он рассматривает вопрос о разграничении явлений полисемии и омонимии. Автор опирается на труды О.С. Ахмановой, А.И. Смирницкого, В.В. Виноградова, Р.А. Будагова и других.

Изучая многозначность лексических единиц татарского языка, Г.Х. Ахатов отмечает: «Как известно, слово будучи тесно связанным с разными (фонетическим, словообразовательным, морфологическим и синтаксическим) уровнями языка скрепляет, цементирует общеязыковую системность. Оно является и основой самостоятельной лексико-семантической системы как внутренне организованного единства, элементы которого, постоянно взаимодействуют друг с другом, в то же время закономерно связаны с определенными и более или менее устойчивыми отношениями. В раскрытии особенностей этих отношений имеет важное значение комплексное изучение лексико-семантических категорий любого (в том числе и татарского) языка» [Ахатов, 1986, с. 139].

Многозначность подробно изучается в работах Ф.С. Сафиуллиной. В учебном пособии «Лексикология» она классифицирует типы лексического значения, выделяет номинативные, сигнальные и переносные значения; конкретные и абстрактные, терминологические и общие, эмоционально-окрашенные и неэмоциональные, антонимические, синонимические и др. Автор изучает виды переносных значений как развитие многозначности слов в татарском языке (*кадак* ‘гвоздь’, *ишү* ‘грести’, *көн* ‘день’ и др.) [Сафиуллина, 1999, с. 20].

В своих многочисленных трудах И.Б. Баширова рассмотрела многие вопросы татарской семасиологии. По мнению ученой, методологическую основу современной семасиологии составляют лексические значения в статике и в речи. Лингвист выделяет статистическое состояние слова – это отражение двуплановости отношений: слово↔предмет, предмет↔слово. Многозначные слова существуют в виде лексико-семантических вариантов. Слово может рассматриваться с аспекта «словозначения», «словоформы», «словосочетания» [Баширова, 2006, с. 24–31].

Л.К. Байрамова выделяет два вида асимметрии в парадигматическом отношении: семасиологическую полисемию и омоносиологическую синонимию. Семасиологическую полисемию исследователь определяет как ряд означаемых при одном означающем. В качестве примера приводит полисемантическое слово *күян* при лексическом уровне с означаемыми: 1) ‘заяц’, 2) ‘кролик’ в разговорном значении, 3) ‘трус’, 4) ‘безбилетный пассажир’. Также Л.К. Байрамова приводит примеры полисемии из словообразовательного уровня суффиксов и префиксов (*-ча/-чә*) [Байрамова, 2000, с. 217–218].

В своем учебном пособии Б.С. Салимгараева «Хэзерге татар телендә омонимнар» («Омонимы в современном татарском языке») предлагает следующие критерии разграничения полисемии и омонимии: 1) это составление синонимического ряда слов, 2) словообразовательные возможности слов, 3) а также роль слов в предложении. Также ученый выделяет группу омонимов, образованных вследствие распада полисемии, она называет их семантическими омонимами (или гомогенными). В качестве примера приводит слова *биләү* 'пеленать' – *биләү* 'занимать, простираться', *иң* 'плечо' и *иң* 'очень', *ук* 'жало' и *ук* 'лук'. Также она относит такие слова как *бит* 'лицо', *итәк* 'подол', *куян* 'заяц', *эре* 'крупный', *багу* 'видеть' к омонимам [Салимгараева, 1982]. По нашему взгляду, связь между значениями этих слов не утрачена и они являются полисемантическими единицами.

Д.М. Гаптелганиева в своей диссертационной работе «Многозначность и омонимия в системе татарской глагольной лексики» останавливается на явлении полисемии как источнике образования семантических омонимов. В работе проводится последовательное раскрытие контекстуального проявления значений, определение границ между полисемией и омонимией. На примере глагольной лексики автор дает системный анализ омонимии слова в татарском языке как результату расщепления многозначного слова. Ученый приводит в пример глаголы с наибольшим числом производных значений, например, такие как *бату* 'тонуть', *югалу* 'теряться', *керу* 'входить' и т.д. Автор отмечает: «Новые значения слов возникают в результате семантических преобразований старых значений по законам языковой системы» [Гаптелганиева, 1999, с. 27]. «Полисемия ... является неизбежным следствием диспропорции, существующей между числом знаков речи огромным количеством понятий, ищущих выражение в языке», – считает исследователь [Гаптелганиева, 1999, с. 70]. С чем мы также согласны.

В своем диссертационном исследовании «Фразеологическая полисемия в русском и татарском языках» Г.И. Бичурина в сопоставительном плане освещает многозначность фразеологических единиц. Она выявляет особенности компонентного состава фразеологических единиц на примере фразеосемантических полей многозначных фразеологизмов в русском и татарском языках, также отмечает функционирование полисемантических фразеологических единиц в контекстах – приводит виды

лексических коррелятов многих фразеологических единиц, фразеологические цепочки многозначных фразеологических единиц: *эт каешы* ‘опытный человек’, в основном значении ‘поводок собаки’, *кием калыбы* ‘неумелый человек, в основном значении ‘выкройка одежды’. Автор опытным путем доказывает, что фразеологические единицы представляют особый пласт единиц и основная часть из них двухзначные, выявляет межъязыковую фразеологическую эквивалентность [Бичурина, 1998, с. 57].

Как показывают данные исследования, в татарском и в тюркском языкознании нет общего мнения на проблему лексической полисемии.

Выводы к первой главе

В общей лингвистике существует ряд подходов к интерпретации лексической полисемии:

1) Признание в языке только однозначных слов, причем таких, что каждое из которых соотносится только с одним денотатом. Такой подход характерен для известных лингвистов, например, для А.А. Потебни, Л.В. Щербы, В.В. Колесова, Г. Пауля, Г. Шпербера и др.

2) Признание наличия в языке только многозначных слов. Этот подход характеризует труды В.В. Морковкина, Н.Ю. Шведовой и др.

3) В языке наряду с однозначными существуют и многозначные слова. Данной точки зрения придерживается абсолютное большинство лингвистов, в частности В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, Д.Н. Шмелев, Р.А. Будагов, Ю.Д. Апресян, Н.М. Шанский, Л.А. Новиков и многие другие.

4) В общем языкознании существует также концепция лексико-грамматической полисемии, которая предполагает не только семантическую производность, но и многозначность на уровне лексико-грамматических классов слов (В.А. Абаев, М.А. Стернина).

В тюркологии проблемы семантики изучаются всесторонне. В последние годы особенно возрос интерес к полисемии и вопросам развития семантики. Появилось множество научных работ и диссертаций в узбекском, казахском, киргизском, туркменском

карачаево-балкарском и других языках. Многие вопросы полисемии изучаются в тесной связи с остальными сторонами семазиологии и лексикологии, в частности с омонимией. Однако необходимо подчеркнуть и то, что обобщающих исследований в области полисемии тюркских народов практически отсутствует. Проблема возникновения многозначности занимает в тюркологии значительное место (Т. Аликулов, М. Миртаджиев, А. Гельдымурадов, А. Назаров, Н. Суфьянова, Д. Батырмурзаева, С. Биджиева). В татарской лингвистике исследование полисемии проводится по аналогии с русским и общим языкознанием (К. Сабиров, Г. Ахатов, Ш. Рамазанов, Ф. Сафиуллина, И.Б. Баширова, Л.К. Байрамова, Ф.А. Ганиев, Д.М. Гаптелганиева и др.).

Наличие приведенных точек зрения известных лингвистов на проблему лексической многозначности говорит об определенной сложности данной проблемы. Можно предположить, что все названные мнения являются по-своему верными, освещая проблему многозначности с разных сторон. Различия же связаны преимущественно с разным пониманием терминов слово и значение. Мы же придерживаемся той точки зрения, что в языке, наряду с однозначными, существуют также многозначные лексические единицы.

В татарской лингвистике исследование полисемии проводится по аналогии с русским языкознанием.

ГЛАВА II

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПОЛИСЕМИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Язык представляет собой сложное явление, которое может быть рассмотрено с разных аспектов, в соответствии с чем и выделяются различные единицы языка. Слово является сложной и многоаспектной единицей, поэтому подлежит исследованию образование данного слова, его сочетание с другими словами, развитие его значений и т.д. Значение слова определяется и как особая языковая форма отражения действительности, и как отношение между звуковым комплексом и понятием, и как отнесенность звукового комплекса к явлениям действительности [Ахманова, 1969, с. 283; ЛЭС, 1990, с. 195; Сафиуллина, 1999, с. 18; Ахатов, 1976, с. 36]. Многие слова (так же как и некоторые грамматические формы и синтаксические конструкции) имеют не одно, а несколько значений, иначе говоря, служат для обозначения различных предметов и явлений действительности.

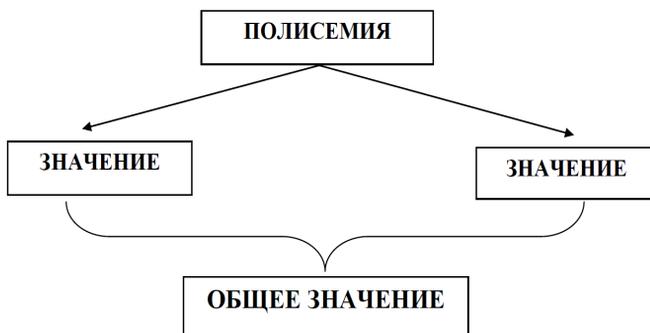
Языковые формы могут быть связанными с целым рядом десигнатов и выражать соответственно несколько значений. Эта способность является неиссякаемым источником полисемантичности в лексическом составе, число примеров которой в татарском, равно как и других языках, не имеет ограничений.

Многозначность в лексике обеспечивает, с одной стороны, экономность и обозримость языкового кода, а с другой стороны, его гибкость и способность обслуживать все коммуникативные потребности в обозначении многообразия познанного человеком мира. Полисемантичность слова отличает естественные языки от искусственных, для которых действует принцип: одно слово – одно значение, одно значение – одно слово, использующийся, в частности, в процессе автоматического перевода с одного языка на другой, лишая тем самым язык огромных выразительных возможностей.

В языкознании существует несколько терминов для обозначения многозначности: полисемия, неоднозначность, широкозначность (эвресемя) [Апресян, 1974; Зализняк, 2006]. В своей работе мы используем термин полисемия, имея в виду лексическую многозначность.

2.1. Полисемия – как языковое явление

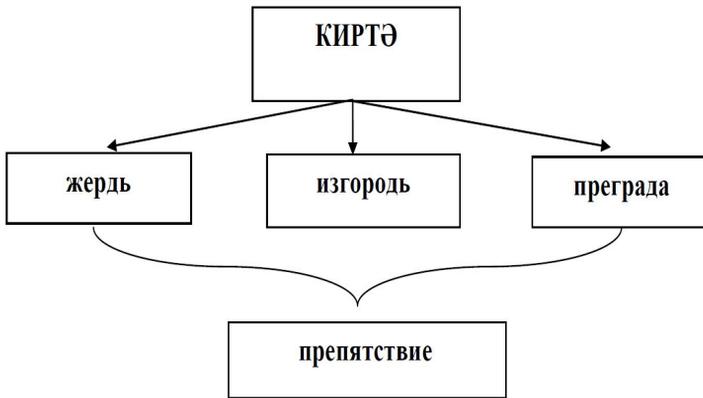
Лексическая полисемия (гр. *poly* – много + *semantikos* – означающий) – наличие у одного и того же слова (у данной единицы выражения, характеризующейся всеми формальными признаками слова) нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова [Ахманова, 1969, с. 335; ЛЭС, 1990, с. 382; Сафиуллина, 1999, с. 20]. Схематично это может выглядеть так:

Например, слово *киртә* в номинативном значении используется как ‘жердь’: *Киртәләрдән генә корьлган койма һәм эңил капка аша йорт эче күренеп тора* (Ш. Маннур) ‘Через забор, состоящий из одних прясел и ворот можно увидеть сам дом’. Второе значение слова дается как ‘изгородь, ограда, загородка дома, сада, поля’ и т. д.: *Илгизәр, киртә арасыннан кысыла-кысыла кереп, этисе янына килде* (Г. Бәширов) ‘Илгизар, пролезая через отверстие в заборе, прошел к отцу’. Также данным словом обозначается ‘изгородь, преимущественно из колючей железной проволоки для преграды наступления вражеских сил при боевых действиях’: *Саперлар*

бер тар участокны миналардан арчыйлар, тимерчыбык *киртәне* кисэләр (А. Шамов) ‘Саперы прочищают один участок от мин и разрезают колючую железную проволоку’.

В переносном значении слово *киртә* дается в значении ‘преграда, препятствие, барьер’: *Күришем инде билгеле киртә миңа һәр эштә* (М. Жәлил) ‘Сосед мне преграда в каждом деле’. Или в значении ‘окончание, конец чего-либо’: *Яхшылыкның киртәсе юк* (М. Галиев) ‘Нет преград добру’. Между всеми значениями слова *киртә* можно проследить общее значение ‘препятствие, барьер’. Итак, схематично, это выглядит так:

Слово *жан* ‘душа’ получило новые значения: 1) ‘живое существо, создание’: *Имән урындык күп күрде жәфа, Алты потлы жан утырган чакта* (Н. Дәүли) ‘Много страдал дубовый стул, когда на него садилось шести путовое создание’; 2) ‘душа, едок, человек’: *Хатыны, дүрт баласы, үзе – барысы алты жан, – диде бармакларын санап Тимербай* (М. Гали) ‘Жена, четыре ребенка, он сам – всего шесть душ, человек, – сказал Тимербай, сгибая пальцы’; 3) ‘вдохновитель, душа’: *Ил – буген бәйрәм итә, Ил жаны – эшче вә ярлы – барысы йөзләр балкыта* (М. Жәлил) ‘Народ сегодня празднует, Вдохновители народа – рабочий и бедняк – все с радостными лицами сегодня’; 4) ‘внутренний мир человека: характер, мысли, чувства, чаяния’: *Аның жан сызлавы тән әрнүенән мең кат көчлерәк* (Г. Әпсәләмов) ‘Его душевные переживания в тысячу крат сильнее его телесных страданий’; 5) ‘судьба, жизненный путь человека’: *Жан кыйбатмы, мал кыйбатмы?*

(мәкаль) ‘Или жизнь, или нажитое добро’; 5) ‘дорогой, близкий человек’ *Бала дип, жсан дип күңел шатлыгы белән үстерәбез дә, көннең берендә аерылып калабыз* (Г. Ибраһимов) ‘Мы с величайшей душевной радостью растим детей как самых близких, и в один из дней растаемся с ними’; 6) ‘основа чего-либо, каркас (о неодушевленных предметах)’: *Килсә дә ул гади избач булып, карт авылның жсанын яшәрткән* (Ш. Маннур) ‘Пусть он лишь обычный содержатель читальни, но он омолодил старую деревню’; 7) ‘красота, благодать’ *Имән баганада имән кояш, Шул кояшта ямь, жсан бар* (Р.Харис) ‘На дубовом столбе дубовое солнце, и есть у этого солнца свое очарование, красота’; 8), ‘ласковое обращение к хорошо знакомому человеку’: *И-и-и, апа, жсаным, ачуланма инде, – дип ишектән керә-керешкә үзенең уңайсызлануын белдереп хужа хатынның иңбашына ягымлы гына кагылып үтте* Эльмира (Р. Мөхәммәдиев) ‘Со словами: Ой, душенька моя, не обижайся уж. – Эльмира при входе коснулась плеча хозяйки’. Наряду с этими значениями в языке произошло образование более ста фразеологических единиц, содержащих данное слово (*жсан башы* (число душ), *жсан азыгы* (духовная пища), *жсан көче* (внутренняя сила), *жсан тынычлыгы* (душевное спокойствие) и др.).

Понятие лексической полисемии может быть противопоставлено таким понятиям как однозначность (моносемия) и омонимия. Однозначность предполагает закрепление за одним звуковым комплексом лишь одного устойчивого лексического значения, характеризуется однородной предметной направленностью, семантической одноплановостью. Однозначными могут быть имена собственные (их конкретное значение исключает возможность варьирования, так как они являются названиями единичных объектов) (слово *Акбай* – кличка, которая дается собакам белого цвета, букв. ‘богат белым’); неологизмы, недавно возникшие слова, не получившие еще широкое распространение (*рухташ* ‘единомышленник’, *төстәш* ‘одного цвета’, *хьялстан* ‘мир грез’); термины и слова в узкопредметном значении (такие слова в основном обозначают предметы специального употребления и в речи используются крайне редко, что способствует сохранению у них однозначности) (*сөйләүлек* ‘разговорник’, *өсорма* ‘организация, учрежденная правительством’).

Омонимы же в свою очередь могут быть следствием распада многозначного слова, семантического разрыва, происходящего

между различными его значениями. Омонимы такого происхождения довольно многочисленны в современном татарском языке: *ай* ‘луна’: *Караңгы дип килми калма, Ай булмаса, йолдыз бар* (М. Жәлил) ‘Обязательно приходи, несмотря на темноту, даже если луны не будет, есть же звезда (звезды)’ – *ай* ‘месяц, 30 дней’: *Казаннан кайтканына хәзер биш ай бардыр инде* (Г. Камал). ‘Уже прошло примерно пять месяцев с того времени как он приехал из Казани’.

Таким образом, явление полисемии можно рассматривать как звено из этой цепи, или говорить о ее крайних полюсах. Иначе, любое однозначное слово с истечением определенного времени может стать многозначным и наоборот, также единство означаемого при полисемии базируется на наличии непрерывной деривационной связи, охватывающей последовательно все элементы семантической структуры многозначного слова. Стоит этой «... непрерывности нарушиться хотя бы в одном месте, стоит выпасть хотя бы одному звену, обеспечивающему эту непрерывность, как семантическое единство слова нарушается, и происходит «распад полисемии», превращение полисемантического слова в два не связанных между собой омонима» [Виноградов, 1952, с. 143–152].

Моносемия

Полисемия

Омонимия

→

↔

←

Среди значений, присущих многозначным словам, одно воспринимается как основное (главное, производящее, исходное, номинативное), а другие как производные (вторичные), от этого главного, исходного значения. Так же в лингвистике используются различные термины. Набор значений одного и того же слова в работах В.В. Виноградова и его последователей называется семантической структурой слова [Виноградов, 1953; 1997]. Отдельные составляющие семантической структуры слов А.И. Смирницкий называет лексико-семантическими вариантами слова [Смирницкий, 1956]. Э. Кузнецова говорит о семантических вариантах слова [Кузнецова, 1980]. В.А. Звегинцев предлагает термин моносема [Звегинцев, 1957]. Л.В. Щерба различает слова вообще и слова-понятия, имея в виду однозначные слова [Щерба, 1958]. Следуя ему, можно говорить, что в лексикон языка входят концептемы (слова-понятия) и лексемы, считая последние совокупностями концептом. Однако широкий круг лингвистов исполь-

зует термин «лексико-семантический вариант слова», которые обозначает «такие варианты слова, которые различаются своими лексическими значениями, причем различие между значениями не выражается в их звуковых оболочках...» [Смирницкий, 1956, с. 36]. Иными словами, лексико-семантический вариант – это двусторонняя единица, определенное единство звучания и значения. Лексико-семантический вариант и одно из значений многозначного слова тождественны в содержании [Смирницкий, 1956, с. 69]. Многозначное слово представляет собой «синхронную иерархию значений», главенствующую роль при этом играет основное, или главное значение, которому подчиняются все остальные [Шмелев, 1977, с. 54]. Например, слово *йөз* в номинативном значении употребляется как ‘лицо, часть головы человека’: *Элекке иркә, матур йөздә хәзер бик аз житдилек күренә* (Г. Ибрагимов) ‘Теперь на этом когда-то милом, красивом лице появилось немного серьезности’. Из этого основного значения исходят следующие лексико-семантические варианты: 1) поверхность чего-либо: *Вақыт-вақыт нурлы күк йөзен ишелеп аккан болытлар каплап ала* (Ә. Еники) ‘Время от времени небесный свод накрывают стремящиеся тучи’; 2) площадь, поверхность (о маленьких предметах): *Бер чөгендернең яфрак йөзе шулкадәр булгач, бер гектардагы яфракларның йөзе күпмегә житә* (Г. Галиев) ‘Если площадь листа одной свеклы столько составляет, то сколько же составит площадь листьев с одного гектара’; 3) облик, лицо, лик: *Казан бөтенләй йөзен үзгәртте* (Г. Ахунов) ‘Казань полностью изменила свой облик’; 4) авторитет, достоинство: *Минем хәзер дус-иш арасына күренерлек йөземне калдырмадыгыз* (Ф. Әмирхан) ‘Вы не оставили мне авторитета перед друзьями’.

Главное значение, всегда первым указывается в толковых словарях, а за ним под номерами, следуют производные значения. Приведем пример из “Полного татарского словаря» Джамала Валиди:

АДАШУ ‘أناشو’ *фиг.*

1) юлдан язү, ялгыш адашмау өчен маяк утырталар ‘чтобы не сбиться с пути устанавливают маяк’;

2) фикердә, дөньяга карашта тору вә дәрәс дип табылган бер билгеле юлдан аерылу, читкә таю: юл йөрүче булмаган кешегә адашкан дип карый ‘отличаться по мыслям, по отношению к миру, сойти с пути истинного относительно человека, который не является в дороге’;

3) ориентацияны югалтып, кая барырга белмичә аптырап калу, дөньяда тору, белмәгән шәһәрдә юл таба алмыйча аптырап калу, эрле-бирле йөрү ‘быть в смятении, потерять ориентацию, не находить дорогу в неизвестный город, ходить взад-вперед’;

4) *чит.* эллә кая ерак жиргә китү, туган илдән аерылу: мин монда кая килеп адаштым, туганнар һәммәсе эти-энигә якын торалар, мин генә монда килеп адаштым (киткән кыз әйтә, мәсәлән) ‘уехать в чужую страну, иное место, отделиться от родины’ [Татар теленең тулы сүзлеге, 1927, с. 49].

Лексико-семантических вариантов у слова может быть много. Так у слова *баш* ‘голова’ в трехтомном «Толковом словаре татарского языка» зафиксировано 26 значений [Татар теленең аңламалы сүзлеге, 1977, с. 135], а у слова *басу* ‘вставать’ 28 лексических значений [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 1977, с. 130].

При разграничении основных (главных, прямых) и производных (вторичных) значений полисемичной лексической единицы учитывается парадигматическая и синтагматическая обусловленность слова в отдельных лексико-семантических вариантах. Основные значения парадигматически более закреплены и в синтагматическом отношении более свободны. Это в общем соответствует определению номинативного значения как наименее контекстно обусловленного, или значения, которое прежде всего возникает в сознании носителя языка при произнесении слова вне контекста. Например, слово *оя* в номинативном значении ‘гнездо птиц, некоторых животных’: *Кубәләккәй гөлгә кунган, Гөлдә булгач оясы* (жыр) ‘букв. Бабочка присела на цветок, так как цветок ей дом’. При первом упоминании этого слова человек воспринимает его именно в этом значении, остальные лексико-семантические варианты реализуются в различных контекстах: 1) семья, дом, очаг: *Менә шушы инде Гыймады абзының оясы* (И. Гази) ‘Вот это и есть семья Гыймади абзья’; 2) место расположения скрытых огневых позиций при боевых действиях: *пулемет оясы* ‘пулеметное гнездо’; 3) слова однокоренные или со схожими значениями: *синомимик оя* ‘синомимичное гнездо’; 4) *с.-хоз.* лунка: *Суны кешеләр берөзлексез кәбестә, помидор ояларына кыяр, чөгендер һәм кишер түтәлләренә юллап тордылар* (Ш. Камал) ‘Люди без остановочно направляли воду на лунки капусты и помидоров, грядки огурцов, свеклы и моркови’; 5) выводок: *каз*

оясы ‘выводок гусей’; б) *анат.* лунка, впадина: *күз оясы* ‘глазная впадина’; 7) *неодобр.* притон, гнездо: *Без мәдрәсәне фетнә оясына әйләндерүгә юл куймабыз* (Ә. Фәйзи) ‘Мы не допустим того, чтоб медресе стало гнездом мятежа’; 8) место, где много чего: *Тик бер оя шомырт, матурланып, ап-ак чәчәк белән киенгән* (Ш. Маннур) ‘Только лишь ряд черемух, прихорошившись, оделись в белые цветы’; 9) пристанище, источник: *Минем эшкә ярдам итте Фәннәр академиясе, илебезнең фән чиймәсе, Бөек фикер оясы* (М. Жәлил) ‘Моей работе подействовала Академия наук, родник науки страны, Пристанище великих мыслей’.

Соотношения между основным и переносным значениями полисемичного слова не остается неизменным, у некоторых лексических единиц производное становятся номинативным, совокупность значений многозначного слова всегда характеризуется определенной организацией, что подтверждается в частности, перераспределением значений слов, иными словами, изменением его семантики. Например, слова *башлы* и *башсыз*. Изначально эти прилагательные означали ‘с головой’ (букв. имеющий данную часть тела) и соответственно ‘без головы’ (букв. человек, у которого отсутствует данная часть тела). Однако в речи данные слова употребляются в значениях *башлы* ‘башковитый, умный, способный’ и *башсыз* ‘бесстрашный, отчаянный’: *Бу машинаны уйлап табуучы кеше бик башлы булган, ул да синең кебек төрлечә уйлаган* (А. Алиш) ‘Изобретатель данной машины был очень умным человеком, он также как и ты мыслил в разных направлениях’ – [Ул] *бик башсыз нәрсә, катр китүдән дә курка торган түгел* (Г. Камал) ‘[Он] очень отчаянный тип, не боится и тюрьмы’.

Новые производные значения многозначных слов по своим предметно-смысловым возможностям, чаще всего бывают очень узкими, ограниченными. Такие узкие и ограниченные по сочетаемости производные значения присоединяются к основному лексическому значению другого слова и образуют со свободным значением устойчивые или фразеологически связанные замкнутые словосочетания. Так существительное *тамак* ‘горло’ имеет переносное значение ‘еда, пища’, в сочетании с глаголом *ялгау* ‘присоединять, скреплять’ образует фразеологизм *тамак ялгау* ‘заморить червяка, перекусить’: *Фатыйма да, Шмит та өйләренә сугылып, тамак ялгау өчен берәр сынык икмәк, берничә пешкән бәрәңге алдылар* (А. Расих) ‘И Фатима, и Шмит, забежав домой,

взяли по куску хлеба и несколько штук варенной картошки чтобы перекусить’.

Сказанное позволяет заключить, что семантическая структура слова со многими производными значениями очень подвижна. При этом отношения между всеми значениями лексем разнообразны и по-разному принимают участие в позициях, в которых оказывается многозначное слово.

Когда мы встречаем незнакомые нам предметы, то можем заметить отдельные признаки, которые чем-то напоминают уже известные явления. В соответствии с этим название ранее известного предмета переходит на вновь появившийся в поле нашего внимания объект. В результате слово к своему исходному значению добавляет новое.

Такого рода переносы названий с одного объекта на другие могут быть регулярными, характеризующими не отдельные слова, а целые лексические классы. В современных исследованиях по лексикологии проблема регулярной многозначности занимает важное место. Идея регулярной многозначности позволяет не только фиксировать слова с несколькими значениями, но и дает возможность определить, как от степени семантической связанности слов зависит развитие сходных переносных значений, а также помогает понять внутренний механизм формирования новой семемы.

Весьма важным для исследований в области теоретической семантики является понятие регулярной многозначности, под которым в большинстве работ понимается комбинация семем полисемантической лексической единицы, характерная всем или хотя бы многим словам, входящим в определенный семантический класс. Так, слова типа *мәктәп*, *университет*, *институт* имеют, наряду со номинацией ‘учебное учреждение’, значения ‘здание’: *яңа мәдрәсә* (новое медресе); ‘люди в этом здании’: *бөтен институт жылышыны көтте* (весь институт ожидал собрания), ‘учебные занятия’ *мәктәп аны туйдыра ук башлады* (школа ему начала надоедать) и некоторые другие. Подобные семантические параллели позволяют предположить, что в ряде случаев полисемия может описываться с помощью неких более или менее общих правил. Однако, данное предположение не всегда эффективно, так как регулярность в области лексической полисемии весьма относительна и может устанавливаться лишь на

уровне определенных тенденций. Так, *мәктәп* обладает еще одним значением, не присущим словам *университет* и *институт* 'научное направление' *Казанда И.А. Бордуэн де Куртенэ җитәкчелегендә лингвистик мәктәп оеша* (В Казани создается лингвистическая школа, возглавляемая И.А. Бордуэном де Куртенэ).

В качестве еще одного примера можно рассмотреть семантический класс прилагательных, обозначающих эмоции. Все слова этого семантического класса могут сочетаться не только с существительными, обозначающими людей (*моңсу кыз* 'печальная девушка'), но и с обозначениями продуктов творческой деятельности (*моңсу әсәр* 'произведение, от чтения которого читателю становится грустно'). Однако смысловой результат такого переноса не вполне регулярен (*аптыраган кеше* 'растерянный человек', но нельзя сказать *аптыраган рәсем* 'растерянная картина'). Отсутствие достоверной регулярности в сфере лексической полисемии становится особенно очевидным при обращении к материалу разноструктурных языков.

При определении регулярных аналогий важно правильно определить статус этих соответствий. Во-первых, они, как правило, не предсказывают структуру полисемии всех членов данного семантического класса и в этом смысле оказываются непродуктивными. Описание полисемии было и остается задачей словаря. Никакая система правил не позволит вывести все реально существующие значения того или иного слова без обращения к экспериментальным фактам. Во-вторых, открытие определенных регулярных направлений, образующих своего рода закономерность лексического состава, – весьма существенно, так как знание о наличии подобных тенденций имеет творческую ценность, а также объясняет, с помощью каких когнитивных операций осуществляется понимание окказиональных употреблений лексических единиц.

Ю.Д. Апресян дает следующее определение регулярной полисемии: «полисемия слова А со значениями a_i и a_j называется регулярной, если в данном языке существует по крайней мере еще одно слово В со значениями b_i и b_j , семантически отличающимися друг от друга точно так же, как a_i и a_j , - и если $a_i - b_i$, $a_j - b_j$ попарно несинонимичны» [Апресян: 1974, с. 78].

Менее формализованное определение регулярной полисемии дают И.Г. Ольшанский и В.П. Скиба, определяющие ее как «возможность семантического развертывания слова (образования

новых его значений) по определенным моделям и реализации этой потенции в речи и языке» [Ольшанский, 1987, с. 84].

Явление полисемии обусловлено действием в языке открытого С. Карцевским закона ассиметричного дуализма языкового знака, согласно которому «обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит» из рамок, назначенных для него партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственные; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны, будучи парными, оказываются в состоянии устойчивого равновесия» [цит. по Звегинцеву, 1957, с. 90]. В свою очередь это ведет к возникновению синонимии и полисемии. В силу универсальности данного закона также есть место утверждать об универсальности полисемии. Как отмечает С. Ульман «полисемия есть, по всей вероятности, семантическая универсалия, глубоко коренящаяся в фундаментальной структуре языка. Иное положение трудно себе представить: это означало бы, что мы должны держать в мозгу чудовищный запас слов с отдельными названиями для любого явления, о котором нам понадобится говорить» [Ульман, 1970, с. 267].

Изменчивость отношений между значениями многозначного слова обуславливает необходимость разграничения диахронного, исторического и синхронного, современного ракурсов их анализа соответственно несовпадение, синхронной типологии значений по сравнению с ранее описанной диахронной. На смену главной оппозиции семемам в диахронной типологии – первичным и вторичным значениям – приходит оппозиция основное, главное и второстепенное, частное значения, отражающая неравноправное положение этих значений в семантической структуре полисемичного слова, а также различную обусловленность их от контекста. Главные, основные значения не определяются контекстом, они контекстуально свободны; значения второстепенные, частные требуют для своей реализации определенных синтагматических условий, т.е. контекстуально обусловлены [Апресян, 1974, с. 145]. Например, существительное *кыр* имеет следующие лексико-семантические варианты: 1) поле, луг, равнина, большое пространство: *Тулган ай үзенең моңсу нурларын урманнарға, кырлар өстенә чәчеп әкрен генә йөзә* (Г. Әпсәләмов) ‘Полная луна

плавно плывет, растилая свои грустные лучи на леса и поля»; 2) участок, земля под посев: *безнең кыр* ‘наше поле’; 3) *физ. мат.* поле: *магнит кыры* ‘магнитное поле’; 4) спортивная площадка: *футбол кыры* ‘футбольное поле’; 5) дикий, некультивированный, полевой: *кыр казы* ‘дикий гусь’, *кыр ишәге* ‘онагр’; 6) область, сфера деятельности: *эш кыры* ‘поле деятельности’.

То, в каком из лексических значений выступает слово, определяется его сочетаемостью с другими словами: *сугыш кыры* ‘поле битвы’, *могҗизалар кыры* ‘поле чудес’. Реализацию того или иного лексико-семантического варианта слова осуществляет и более широкий контекст или ситуация, общая тематика речи. Точно так же, как контекст детерминирует конкретное значение многозначного слова, в определенных условиях он может создавать семантическую диффузность, т.е. совместимость отдельных лексических значений, когда их разграничение не осуществляется (и не представляется необходимым). Некоторые значения проявляются только в сочетании с определяющим словом (*могҗизалар кыры* ‘поле чудес’); в некоторых сочетаниях значение многозначного слова представлено как фразеологически связанное, например *кыр талашу* ‘сориться в пух и в прах’. Не только лексическая сочетаемость и словообразовательные особенности характеризуют различные значения слов, но также в ряде случаев и особенности грамматической сочетаемости.

Когда речь идет о разных лексико-семантических вариантах слова, то говорится о разных контекстах его употребления. То, что с этими различными лексико-семантическими вариантами связаны различия в предметной отнесенности слова (в его денотативной функции), далеко не во всех случаях само по себе создает четкие границы между разными значениями данного слова. Если для слов, обозначающих конкретные предметы, разграничение значений осуществляется на основе учета денотативных возможностей слова, то для всех остальных лексических единиц мысль о нем возникает только в связи с тем, что сопоставляются разные контексты употребления слова. Обычно достаточно самого узкого контекста в рамках словосочетания, которое позволяет разграничить значения слова. Например, *ак хыяллар* ‘светлые мечты’, *тормыш агымы* ‘ход жизни’. Но в некоторых случаях необходимо целое предложение для пояснения значения. Например, *Гыйлаҗи тутырып бер чокыр эчте* (Г. Ибраһимов) ‘Гиладжи выпил целую чашку (име-

ется ввиду содержимое чашки, напиток)'. Взятые изолированно, вне контекста, слово воспринимается в своем основном значении, в котором обычно используется в речи. Производные же значения выявляются только в сочетании с другими словами. Например, слово *туган* в основном значении 'родной (имя существительное), имеющий родство': *туган абый* 'родной брат', *туган ата* 'родной отец', но слово также имеет другой лексико-семантический вариант – 'близкий родственник, родной человек': *ир туган* 'брат', *кыз туган* 'сестра', в последствии широкого употребления в различных сочетаниях слово приобрело также и переносные значения: люди с одинаковыми интересами, жизненными условиями: '*Якын туган безнең тажик һәм рус, украинец, грузин, белорус* (Ә. Ерикәй) 'Таджик, русский, украинец, грузин и белорус – все с нами едины'; близкий к сердцу, дорогой, милый: *Туған колхозы турында уйлар аны никадәр генә борчымасыннар, Газинур хәзергә моннан китә алмавын да аңлый иде* (Г. Әпсәләмов) 'Хотя он переживал за судьбу своего родного колхоза, Газинур четко понимал что пока не может отсюда уйти'.

На отсутствие непосредственной денотативной обусловленности такого разграничения прямо указывают данные толковых словарей, в которых значения многих слов выделены совершенно по-разному. Это может быть объяснено отсутствием общепризнаковых лексикографических принципов описания семантики слова, или же это может быть вызвано тем, что в самом слове значения взаимосвязаны друг с другом. Например: слово *арка* в номинативном значении 'спина (у человека, животных)': *Арка сөякләрем дә төнә буе сызлады* (Г. Әпсәләмов) 'Целую ночь болели кости спины', когда-то в ходе своего развития слово начало употребляться в переносном значении *кул аркасы* 'тыльная часть (кисти) руки'. *Халим иптәшен кул аркасы белән генә бер якка этеп жиберде* (Г. Гобәй) 'Халим отодвинул своего друга в одну сторону тыльной частью руки'.

Конечно, значения простых общеупотребительных слов даже в случае полисемии понятны говорящим и без контекста; но «это имеет место лишь потому, что все нужные для этого контекста хранятся в памяти говорящего как результат долголетнего речевого опыта». [Саманба, 2002, с. 38]. В этой связи В. Виноградов пишет: «вне зависимости от данного употребления, слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возмож-

ными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [Виноградов, 1953, с.14]. Например, мы провели социальный опрос среди 100 носителей языка на предмет того, как люди понимают отдельные слова в первую очередь. Так, все респонденты указали номинативное значение слова *авыз* как ‘рот’, слово *буын* 75 опрошенных понимают в основном значении ‘сустав’, остальные 25 человек назвали значение ‘поколение’.

При изучении полисемии слова необходимо также рассмотреть такое сложное понятие как семантическая деривация. Семантическая деривация — это процесс появления у слова семантически производных значений, семантических коннотаций, дополнительных значений, то есть процесс расширения семантического объёма слова, приводящий к возникновению семантического синкретизма, результатом которого является появление так называемой полисемии [Татар лексикография, 2015, с. 105; Трубачев, 1988, с. 204].

Данное языковое явление тесно связано с полисемией слова. Семантическая деривация и полисемия рассматривают одно и то же языковое явление в двух аспектах: в синхронии (как результат) и в диахронии (как процесс) [Шарапатұлы, 2011]. В их основе лежит семантическая связь между лексико-семантическими вариантами слова.

Семантическая деривация является количественным показателем семантических изменений: новые значения расширяют семантическое поле и объем слова. Например, слово *тавыш* в номинативном значении ‘голос, тон’: *Без аның апасы инде алайса, – диде мәдир, Айсинәнең хәленә керегә теләгәндәерәк йомшақ тавыш белән* (Н. Кобаш) ‘Значит, мы являемся её сестрой, – сказал директор мягким голосом, как бы войдя в положение Айсины’. С течением времени появился лексико-семантический вариант ‘шум, гам, скандал’: *Сезгә дә шундый киңәш бирәм: тавыш чыгарып, гауга ясап йөрү егетлек түгел* (Н. Кобаш) ‘Я хотел бы дать вам совет: поднимать шум, скандалить – это не дело для настоящего мужчины’. Также данная лексическая единица приобрела значение ‘голос, мнение при обсуждении каких-либо вопросов в общественных учреждениях, совещаниях, выборах и т.п.’: *Гомуми җылылыш карарлары ачык ысул белән тавыш биреп утырышта катнашучы Совет Әгъзалары вәкилләренең куп тавыш җыюы аша: бер Әгъзага – бер тавыш принцибы буенча*

кабул ителә (Татарстан Республикасы Хисап палатасы сайтыннан) ‘Решение Общественной палаты осуществляются путем открытого голосования, набором большего числа голосов участвующих в заседании членов Совета – по принципу одному Члену – один голос’.

Семантическая деривация контекстуально обусловлена, так как активность той или иной коннотации зависит от её употребления в отдельном контексте. В данном случае не возникает путаницы при определении значения слова, так как многозначное слово в момент речи используется лишь в одном из своих лексико-семантических вариантах. Например, *елга* ‘река, речка’: *Аны буйдан-буйга икегә бүлеп елга ага* (Х. Арсланов) ‘Из конца в конец течет река, разделяя его на две части’. В отдельный момент речи может быть использована семема ‘огромное количество чего-либо текущего, движущего’: *Халык язучысы Туфан Миңнуллин хаклы шул: акча елгасы акканда, милләт мәнфәгатьләрен, тамырыннан каерып, хәл итәргә ашыкмадык* («Ватаным Татарстан» газ.) ‘Прав народный писатель Туфан Миннуллин: мы не спешили накорню позаботиться о национальных интересах, в то время как деньги текли рекой’.

Необходимо отметить, что семантическое развитие не может идти параллельно в каждом языке, в некоторых случаях отдельные вторичные значения слова переходят из одного языка в другой путем перевода – возникает семантическое калькирование [Абдуллина, 2011, с. 108]. Например, имя прилагательное *тере* в основном значении – ‘живой’. В русском языке лексема употребляется в значении ‘напрямую транслируемый, или исполняемый в момент прослушивания’ (*живой звук, живая музыка, живая трансляция*) калькируется на татарский язык: *Аңлашыла, чит илләрнең шоулары тере тавыш, тере көйгә уза, ә бездә «Шоу» дип афиша гына языла* («Өмет» газ.) ‘Понятно, что зарубежные шоу записываются под живой звук, у нас же “Шоу” всего лишь на афише’. *Тере музыка дөньякуләм танылган дрессировщиклар чыгышының аерылгысыз бер өлеше булып тора* (Универсиады – 2013 блогы) ‘Всемирно известные дрессировщики всегда выступают под живую музыку’. Однако, нужно отметить и то, что иногда не возможно доказать наличие семантического калькирования, так как в двух постоянно взаимодействующих языках может стереться граница между семантической деривацией и семантическим калькированием.

Новые номинативные единицы возникают в результате различных семантических модификаций, это могут быть семантические сдвиги и переносы наименований. Семантические изменения основываются на определенных закономерности, и референты сохраняют общие признаки. Изменение значений могут различаться на следующие: 1) расширение значения; 2) сужение значения; 3) энантиосемия.

Появление новых понятий не всегда сопровождается появлением новой лексемы для их обозначения, в некоторых случаях уже используемое в языке слово обогащается новыми оттенками значения, в определенном контексте увеличивается семантический объем слова, происходит расширение значения слова. В качестве примера можно привести слово *бистә* 'слобода, пригород': *Киндер суга бистә кызлары* (Х. Туфан) 'Девушки слободы ткut холсты'. В настоящее время большой поселок, поселение городского типа также обозначается данным словом: *Алга таба берникадәр вакыт ул Куйбышев (хәзер Самара) заводларының берсендә, төзелештә эшли, Урыссу урамнарын түши һәм бистә читендә дамба төзи* («Ютазы таңнары» газ.) 'После некоторое время он работает на одном из заводов Куйбышева (ныне Самары), асфальтирует улицы Уруссу и участвует в строительстве дамбы поселка'.

Номинативное значение слова *караш* – 'взгляд, взор': *Ул шунда Солтанга ачуланып, сез уз акылыгыздамы соң дигәндәй, шикле караш ташлап алды* (Ф. Яхин) 'Он бросил неодобрительный взгляд, как бы сомневаясь в своем уме ли Султан'. В процессе употребления у лексемы возник лексико-семантический вариант 'взгляд, мнение, позиция': *Ничек булса да тәмәке тартуга карата тискәре караш тудырырга кирәк* («Татарстан яшьләре» газ.) 'Как бы ни было нужно воспитать отрицательное отношение к табакокурению'.

В процессе развития лексической единицы то или иное значение может престать употребляться, происходит ограничение семантического объема слова – сужение значения. Номинативное значение слова *сагыш* 'дума, размышление' со временем устарело, и настоящий момент не употребляется, а номинативным стал исходный от этого значения лексико-семантический вариант 'тоска, грусть, печаль', который намного уже по объему чем первое: *Шәһринен күңеле тулы сагыш иде* (Ф. Яхин) 'Душа Шахри была полна грусти'.

При эволюции языка и его функционировании в условиях определённой речевой ситуации или же в отдельном контексте одна и та же лексема может иметь лексико-семантические варианты противоположные по значению – данное явление называется энантиосемия (греч. *enantos* – противоположный + *sema* – знак) [Балалыкина, 1994, с. 6.]. Оно представляет собой синтез антонимии и полисемии. Например, слово *белдекле* употребляется для обозначения грамотного, всесторонне развитого человека: *Аларның берсе генә китсә дә, эш тукталачак, чөнки иң белдекле, иң тырышлар шулар* («Безнең гәжит» газ.) ‘Если даже кто один из них уйдет, то работа остановится, так как они самые умелые и трудолюбивые’ В тоже время в определенном контексте данное слово может употребляться для обозначения безграмотного, бездарного человека: *Карап кына жибәр инде үзен, – диде баягы «белдекле» хатын* (Г. Гыйльманов) ‘Осмотрите, пожалуйста, его, – сказала данная «всезнающая» женщина’. В данном случае два лексико-семантических варианта одной лексемы являются антонимами.

Возникновение у лексических единиц полярных, противоположных друг другу значений – универсальное явление для всех языков. Оно появляется в результате продолжительного употребления лексемы. Например, слово с положительной коннотацией *уйнау* – ‘играть, развлекаться’: *Микәйнең үзенә дә ошый иде алар белән куышып уйнау* (Р. Мөхәммәдиев) ‘Микаю и самому нравится играть с ними в догонялки’. В определенном контексте данное слово приобретает значение уже с отрицательным оттенком ‘зло подшутить’: *Аларның дини халык һәм аларның хисларендә уйнау* – *ул жинаять кылу* («Өмет» газ.) ‘Это настоящее преступление играть с чувствами верующих людей’.

Акыллыбаш – ‘умный, толковый, рассудительный’: *Аның геройларын хәтта характерлау да мөмкин түгел, алар берничә минут эчендә эле акыллыбаш, эле чиктән тыш надан һәм ахмак; эле интернационалист, эле милләтче; эле эчкече, эле абсолют аек; эле тыйнак, эле азгын сыйфатында ачыла* («Идел» журн.) ‘Невозможно охарактеризовать его героев: они то очень умны, то очень глупы; то являются интернационалистами, то националисты; то пьяные, то трезвые; или они целомудренны, или же очень развязны’. Данное слово может также употребляться в ироническом значении ‘умник, умная голова’, которое является противоположным первому.

Моны уйлап тапкан «акыллыбаи»лар фикеренчә, үзенә күрә, үсмерләрне начар йогынтылы фильмнардан, тапшырулардан саклау чарасы булырга тиеш иде кебек («Татарстан яшьләре» газ.) ‘Придумавшие это умники, с одной стороны думали, что это огородит подростков от нежелательного влияние фильмов, передач’.

Между лексико-семантическими вариантами многозначного слова существует определенная семантическая связь, что дает основание считать их значениями одного и того же слова. По мнению Д.Н. Шмелева, «эта связь может основываться на том, что в значениях обнаруживаются общие семантические элементы» [Шмелев, 1973, с. 77]. Связь значений многозначного слова наиболее наглядно отражает системный характер языка, в частности лексики.

2.2. Внутрисловные связи между словами и топологические типы полисемии

Неопределенность и диффузность, свойственные значениям и обуславливаемые целым рядом причин: природой обозначаемого, типами и ассоциациями, – проистекают также из обязательной взаимосвязанности значений многозначного слова, которые образуют наряду с парадигматическими и синтагматическими отношениями слова еще один тип отношений – внутрисловные отношения, получившие название эпидигматических и квалифицируемые как третье измерение в лексике [Шмелев, 1973, с. 76]. Эти внутрисловные отношения формально не выражаются и носят скрытый, сложный характер. Чаще всего эти последние толкования лексико-семантических вариантов даже не фиксируются в лингвистических словарях, которые должны давать исчерпывающее описание семантической структуры слова, раскрывать как содержательные стороны языкового знака, так и семантическую связь разных его значений. Кроме того, общность в значительной мере воспринимается как данная именно в силу общего выражения: лексикографическая практика обычно исходит из нормальности полисемии и необходимости доказательства омонимии, а не наоборот. Объяснение связей между значениями требует поэ-

тому сложной процедуры, применения определенной методики и приемов анализа, реконструкции процесса номинации, в ходе которого возникло то или иное значение, привлечения внеязыковых факторов и т.д. [Харитончик, 1992, с. 64].

Однако же сам факт существования связей между значениями полисемичного слова, или его лексико-семантическими вариантами (ЛСВ), не вызывает сомнений. Эпидигматические отношения, имеющие прочные психолингвистические основания, ощущаются носителями и изучающими данный язык на уровне интуиции. По-видимому, неосознанное владение механизмом образования внутрисловных связей позволяет всем владеющим данным языком, достаточно легко их улавливать, как бы восстанавливая первоначальный процесс формирования значений, даже в том случае, если и в системе родного языка уже не существует таких взаимосвязанных значений. Более того, улавливается как сама связь, так и ее направление. Так, например, слово *тигез*.

ТИГЕЗ прил. 1) ровный, гладкий: *Тигез майдан* ‘ровная площадь’. *Тигез дала* ‘ровная степь’;

2) вровень: [*Баракның*] *диңгезгә караган бер генә тәрәзәсе бар, ул да жир белән тигез иде* (Ш. Камал) ‘У барака только одно окно выходило к морю, и то оно было почти вровень с землей’;

3) равный, ровный по длине, ширине, толщине, высоте, густоте и т.д. (о земле, веревке, канате и др.): *Аның [Зөһрәнең] эрлэгән жебе дә тигез, матур* (А. Әхмәт) ‘Ее пряжа [Зухры] ровная и красивая’;

5) равномерно, тихо, послушно: *Тигез дулкыннар өстендә безнең көймә экрен генә тора* (Г. Коләхмәтов) ‘Наша лодка покачивается на послушных волнах’;

6) перен. ровно, одинаково: *Тигез күрә бөтен җаннны театр* (Г. Тукай) ‘Для театра все зрители одинаковы, он никого не делит’;

7) перен. дружный, обеспеченный (о семейной жизни): *Тигез тормыш теләп Әбүзәр абый яшьләргә тостны күтәрде* (Г. Әпсәләмов) ‘Абузар абый поднял тост за счастье молодых’.

Все эти перечисленные лексико-семантические варианты слова так или иначе связаны с основным, во всех из них можно проследить значение ‘ровный, равный’.

Тем не менее, в последнее время, благодаря успехам компонентного анализа семантических компонентов и проникнове-

нию в глубины его строения в лингвистических исследованиях предпринимаются попытки изучения семного механизма внутрисловных связей значений в рассмотрении состояния языка как установившейся системы в определенный момент времени. Такая неоднозначная сущность, как значение лексико-семантических вариантов в структуре многозначного слова, имеющая сложную организацию и состоящая из мелких, далее неделимых элементарных единиц смысла – сем, или семантических компонентов, обнаруживает некоторую общность своих элементов с компонентами другого значения лексико-семантических вариантов, благодаря которой между ними и устанавливается определенная связь.

Можно определить место этих общих для взаимосвязанных лексических значений (одно из которых воспринимается как производящее, а другое – как производное) компонентов и тип их взаимодействия. Существуют следующие варианты семного взаимодействия в семантической структуре многозначного слова [Харитончик, 1992, с.84]:

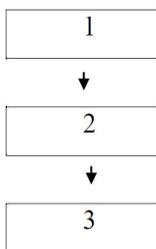
– включение, или такой тип связи лексических значений, при которой производное значение полностью включает в себя производящее, являясь шире его по объему: *ир* – 1) мужчина, мужского пола: *Аның дүрт баласы булып, ике өлкәне кыз, соңгы икесе ир бала* (Ш. Камал) ‘У него всего четыре ребенка: две старшие девочки, последних два мужского пола’; 2) муж: *Егет белән кыз, хәзер инде ир белән хатын, култыклашып Арыслан байның ак тирмәсенә керделәр* (Г. Ибраһимов) ‘Парень с девушкой, уже муж с женой, взявшись за руки прошли в юрту Арыслан бая’. Или, наоборот, исходное значение полностью включает в себя производные: *елгыр* 1) ловкий, подвижный: *Малай җитез, елгыр булып чыкты: ни тотса, шул кулына ябышып торды* (С. Рафиков) ‘Мальчик оказался очень ловок, за что бы не взялся все ему подходило’; 2) быстрый, резвый: *Бүренең нинди елгыры да гомерен ядрә белән, капкын белән чикли* (Г. Гобәй) ‘Каким бы резвым и ловким не был бы волк, все равно погибает то от пули, то попадая в капкан’; 3) шустрый, живой: *Күпме алпавытлар, үз именяләрен елгыр купецларга сатып, бөлгән боярларга әверелделәр* (К. Нәжми) ‘Сколько помещиков, продав свои имения шустрым купцам, превратились в обнищавших боярей’ и другие.

– пересечение, или такой тип связи лексических значений, при которой имеет место их частичное совпадение. Например, *юлчы* – 1) путник: *Маяклы юллардан юлчы бара, Печән белән күмгән чанасын* (Н. Такташ) ‘Едит путник по дорогам с маяками, сани свои завалил сеном’; 2) пассажир: *Пароходтагы юлчыларның бәгъзеләре чэй эчергә, ашарга, бәгъзеләре газета, китап укырга кереште* (Ш. Мөхәммәдов) ‘Пассажиры парохода кто приступил к еде, чаепитию, кто начал читать газеты книги’; 3) дорожник (специалист, рабочий на строительстве и эксплуатации дорог). Все эти лексико-семантические варианты объединены одним семантическим признаком ‘находящийся в пути’ и другие.

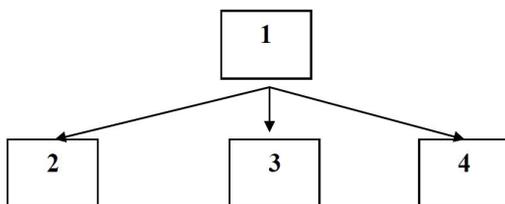
Внутрисловные связи лексико-семантических вариантов многозначного слова, взятые во всей своей совокупности, составляют основу его семантической структуры и могут быть описаны также с точки зрения тенденций и упорядоченной последовательности связей и их содержательных характеристик, устанавливающих разновидности внутрисловных связей.

Многозначное слово – это не просто сумма взаимосвязанных значений, а представляет собой структуру связанных отношением семантической производности лексико-семантических вариантов, которые в свою очередь имеют определенную, иерархическую организацию (топологию) на основе прямого номинативного значения. Эта структура может характеризоваться одномерным расположением значений, последовательно связанных друг с другом и образующих единую цепь, как это имеет место, например, в семантике слова *чүп*, значения которого 1) сор, мусор: *Миңнур карт, идәнне себереп, чүпләрне мич эченә тутырды* (А. Шамов) ‘Старик Миннур подмел пол и весь мусор бросил в печь’; 2) отбросы: [*Фатыйма*] *эрләп бетерә дә альяпкычындагы чүпне идәнгә селкә* (И. Гази) ‘Фатыма, закончив пряхть, стряхивает весь мусор с подола на пол’; 3) соринка: *Һәр бакчаның чүбе булган кебек, йолкып ташлый торган кул була* (Н. Такташ) ‘Даже если в каждом огороде есть сорная трава, всегда найдется и рука её прополоть’; 4) чепуха: *Алтынны чүпкә санар, Иң кыйммәтле күрер Ватанын* (А. Алиш) ‘Для него золото ерунда, самое ценное это Родина’; 5) послед: [*Хәнәф:*] *Анаңа әйт, чыгып сарык чүбен хәзер үк алып ташласын, юкса ашыы башилар* (С. Баттал) ‘Ханаф: Скажи матери,

пусть выйдет и уберет послед овцы, не то она начнет его есть'. Графически этот тип расположения значений и их связей можно изобразить с помощью следующей схемы:

Цепочечная связь свойственна также и многозначным словам. Цепочечная полисемия в чистом виде, однако, чрезвычайно редка. Гораздо более распространена радиальная связь значений многозначного слова, при которой все производные его значения связаны непосредственно с прямым номинативным значением и мотивированы им. Таков характер отношений между значениями существительного *аклык* – 1) белизна снега, бумаги, полотна: *Жир йөзе йомшак аклык белән капланды* (Г. Ибраһимов) ‘Поверхность земли покрылась мягкой белизной’; 2) бледность, бледный цвет (кожи, тела): *бит аклыгы* ‘бледность лица’; 3) отбели (на предутреннем небе, на рассвета): *Еракта таң аклыгы беленеп килә иде* (И. Гази) ‘Вдали виднелись отбели рассвета’; 4) чистота, безвинность, доброта, непорочность: *Ул яна, бу дөньяны күрмәк булып аклык белән* (Ш. Бабич) ‘Он горит, борется за то, чтоб сделать этот мир чистым, непорочным’. Графическое их изображение следующее:

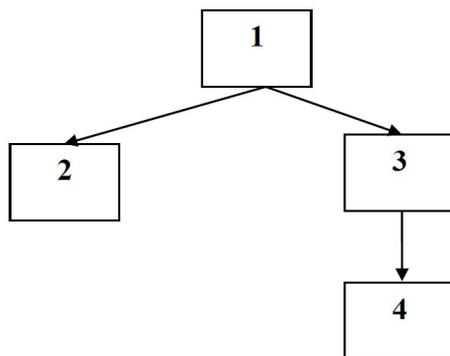

Аналогичным образом располагаются значения и в семантической структуре существительного *токым*, с основным значе-

нием которого ‘сорт, порода’ (*тау тоқымы* ‘горная порода’, *ат тоқымы* ‘порода лошадей’) непосредственно связаны все остальные его лексико-семантические варианты: 1) род, круг родственников, происхождение (национальное, социальное): *Күренеп тора: ул Закиевлар тоқымыннан* (М. Хәсәнов) ‘Сразу видно, он из рода Закиевых’; 3) род, племя (животного): *Кәжә тоқымы бигрәк тә яман. Бер нәрсә белән дә исәпләшми бит* (Ш. Камал) ‘Козье племя очень скверное. Ни перед чем не остановишь ведь’; 4) потомство: *Үзегез беләсез, яхшы малның тоқымы да яхшы булып чыга* (А. Расих) ‘Сами знаете, у хорошего скота и потомство лучшее’; 5) икра рыб для разведения: *Шул чокырның буылган күленнән икенче елга колхоз күлләрендә балык урчегергә балык тоқымы таратачакбыз* (Ф. Сәйфи-Казанлы) ‘Мы будем распространять икру для разведения рыб в другом из озер колхоза из запруженного озера той ямы’.

Наконец, наиболее обычный тип расположения связей в структуре многозначного слова – это радиально-цепочечная полисемия (также ее называют смешанной, или комбинированной), принимающая самые различные конфигурации в зависимости от того, какие значения находятся в непосредственной связи. Так связаны значения существительного *ырым* 1) верование, поверье: *Биредә төзәлмәс гарип кешеләрне, авыру атларны алып килеп, аларны әфсенләү-өшкерү бик күптәннән бер ырымга әйләнгән иде* (М. Галәү) ‘Здесь давно уже превратилось в поверье то, что привозили, приносили больных людей, лошадей и лечили их различными заклинаниями’; 2) примета, предрассудок: *Сарангына, йомыкыйгына бу адам, яшь булуына карамастан, һәртөрле дини хорафаларга, ырымнарга бик ышанучан кеше иде булса кирәк* (Ф. Хәсни) ‘Несмотря на то, что данный человек был скуп, худощав и молод, он верил в различные религиозные предрассудки и приметы’; 3) колдовство, нащёптывание: *Тәгъзимәнең үтереп башы сызлый. Имче карчыкны да чакырып карады. Тик өшкерүләр, ырымнар килешмәде* (А. Расих) ‘У Тагзимы ужасно болит голова. Она и приглашала старух-ворожей. Однако никакие заговоры и нащёптывания не принесли результата’; 4) снадобье, зелье (заговоренное знахарем): *Син нәрсә, сеңелең урынына үзең миңа киләм дип, үз ырымнарыңны үзең эчеп тулгаклап утыра-*

сыңмыни? (Н. Исәнбәт) ‘Что ты, выпила своё же зелье: говоришь, что выйдешь за меня вместо сестры’.

Вышесказанные положения, отражающие три топологических типа многозначности (цепочечную, радиальную и радиально-цепочечную), наглядно репрезентируют еще одно важное свойство связей значений: непосредственность и опосредованность отношений в семантике многозначного слова. Непосредственные связи устанавливаются между значениями, одно из которых выступает в качестве производящего, а второе является производным от него. Опосредованные связи возникают между производными значениями [Харитончик, 1992, с. 67].

Как результат опосредованности связей некоторые значения в семантической структуре многозначного слова отстоят друг от друга на достаточно большом расстоянии. Более того, при утрате словом в ходе исторического развития связующего их производящего значения, связь между значениями может быть утрачена полностью, что приводит к распаду полисемии и возникновению омонимов. В качестве примера можно привести прилагательное *исәпсез* с номинативным значением ‘бесчисленный, бессчётный, несметный’: *Болар, меңләгән елкылары, яхшы нәсел дөяләре, исәпсез куйлары белән Сары-Арканың киң далаларында күчеп йөриләр* (Г. Ибраһимов) ‘Они кочуют по широким степям Сары-Арка со своими бесчисленными лошадьми, хорошими верблюдами, бессчётными отарами овец’. Второй лексико-семантический вариант ‘неэкономный, нерассчетливый’

Качакларның исәпсез күбәен китүләре бушлай ярдәм бирү гайрәтен бик тиз сүрелдерде (К. Нажми) ‘Непомерный рост беглых заставил остыть пыл тех, кто предлагал бескорыстную помощь’. Когда-то второй лексико-семантический вариант слова начал употребляться в значении ‘беззаботный, беспечный’ относительно слишком неэкономного человека. Однако со временем связь между значения утратилась и многозначное слово образовало омоним *исәпсез* в номинации ‘беспечный’: *Исәпсез кеше су эчен тә симерә* (мәкаль) ‘Беззаботный человек полнеет и от воды’.

Исходя из содержательных характеристик, внутрисловные связи являются отражением процессов семантических изменений, которые лежат в основе вторичных значений слова. Вследствие детерминированности характера связи типом семантического процесса традиционно содержательные связи значений описывают в тех же терминах, что и виды семантических процессов: метафорические (включая функциональный перенос), метонимические (включая синекдоху), расширение и сужение значений и т.д. Вместе с тем, не все виды связей подводятся под традиционную классификацию. Новая модель описания связей значений по содержанию была предложена М.В. Никитиным: объективным основанием концептуальных связей являются – 1) связи сущностей объективного мира, 2) общности сущностей объективного мира по наличным признакам. Соответственно, выделяются два основных типа концептуальных связей, равно как и содержательных связей между словозначениями: 1) импликационный и 2) классификационный [Никитин 1991, с. 56].

Импликационная связь основана на взаимозависимости, взаимодействии основ объективного мира. Это когнитивный аналог связей между частью и целым, между вещами, между вещью и признаком, между признаками вещи. Наиболее наглядным примером импликационных связей являются сильная каузальная зависимость, сюда же относятся и зависимости слабые: пространственные, временные и т.д. Импликационная связь значений широко представлена в семантических структурах полисемантического слов. Конкретные виды связей, служащие основанием импликации, чрезвычайно разнообразны: материал → изделие, причина → следствие, исходное → производное, действие → цель, процесс

→ результат, часть → целое, признак → вещь, смежность в пространстве, следование во времени и т.д. и т.п. [Лещева, 1985, с. 8]. Например, у следующих слов указанные значения связаны импликацией: *аксакал* – 1) почтенный, убеленный сединами, старый: *Ил агасы өлкән аксакал Биремжан экә моны куәтләп алды* (Г. Ибраһимов) ‘Почтенный глава племени Биремджан поддержал это’; 2) умудренный годами: *Бу сүзләргә гомер кичергән бер аксакал сөйләсә һич гажәп булмас иде* (Р.Мөхәмәдиев) ‘Не было бы странным, если эти слова сказал бы умудренный годами человек’; *язу* – 1) изображать, передавать речь графически: *Аның эшләре ирекле язучу техникасы белән дә, бәтикнең резервләу техникасы белән дә башкарылган* (Универсиада – 2013 блоги) ‘Его работы выполнены в свободном стиле, в технике резервации батика’; 2) сочинять: *Ул иҗат эңгешләрендә әдәбият кануннары, шигырь язучу техникасы саклана дип әйтеп булмый* («Өмет» газ.) ‘Нельзя сказать что в этих произведениях соблюдены каноны литературы, техника написания стиха’.

Особой разновидностью импликационных связей в семантике многозначного слова является конверсивная связь значений, представляющих один и тот же смысл в разных направлениях и находящихся вследствие разнонаправленности передаваемого смысла и обратных отношениях. Таковы связи значений слова *тонык* ‘устоявшийся, отстоявшийся, прозрачный’ (*тонык* күл ‘прозрачное, чистое озеро’) – ‘неясный, смутный, мутный’ (*Хайри-янең күзләренең матур яктылыгы бетеп, тонык кургашын төсенә кергән* (Ш. Камал) ‘Глаза Хайрии, потеряв свою красивую ясность, обрели цвет мутноватого свинца’). Конверсивные отношения в учебных пособиях иногда относят к энатосемии – противоположным значениям внутри одного и того же слова [Диброва, 1997, с. 132].

Объективной базой классификационных связей является общность сущностей объективного мира по имеющимся у них признакам или, иначе говоря, сходство этих сущностей, которое устанавливается в результате сравнения – одного из важнейших психологических приемов познания внешнего мира и духовных ценностей. Классификационные связи могут быть: 1) гипогиперонимические (видородовые, инклюзивно-экслюзивные) и

2) симилятивные. Гипо-гиперонимические связи легко устанавливаются между значениями многозначного слова. Приведем в пример слово *уңыш* ‘урожай’: *Оят булса да эйтергә кирәк, былел, мәсәләң, уңыш планың үти алмадык* (Г. Бәширов) ‘Даже если и сыдно, придется сказать, например, мы не смогли выполнить план урожая в этом году’ – ‘успех, удача, достижение’: *Аннан шуны онытмагыз: үз уңышың белән генә куанып йөрергә ярамый* (М.Гали) ‘Помните следующее: нельзя довольствоваться лишь своим достижениями’. Инклюзивная связь (родовидовая, связь специализации) соответствует отношению более широкого понятия – гиперонима к более узкому понятию – гипониму, а эксклюзивная (видородовая, или связь генерализации), напротив, – отношению более узкого понятия к более широкому. К этому типу связей относятся практически все случаи сужения и расширения значений слов при условии, что оба значения (исходное и производное) сохраняются у слов [Никитин, 1974, с. 59].

Симилятивная связь отличается от гипо-гиперонимического типа связей тем, что при наличии общих признаков иерархические отношения между значениями отсутствуют, поскольку значения различаются не своим объемом, а какими-то только им присущими признаками. Симилятивная связь может быть предметно-логической, синестезической и эмотивной. В первом случае она устанавливается на основе общности свойств, которая может быть как реальной, так и результатом приписывания референтам некоторых общих свойств [Литвин, 1984: 67]. Сходство ощущений, вызываемых референтами, общность впечатлений лежат в основе синестезической связи. Например, *йомшак* – 1) мягкий, умеренный: *Коймалар, өй түбәләре һәммәсе яңа яуган йомшак кар белән түшәлгәннәр* (Г. Ибраһимов) ‘Прясла, крыши домов – все покрыты свежовыпавшим мягким снегом’; 2) снисходительный, несуровый, нестрогий, мягкий: *Госпитальдә эшләү дәверендә аның йомшак холкы шактый ныгып өлгерде* (Г. Әпсәләмов) ‘За время работы в госпитале его мягкий характер окреп’; 3) мягкий, кроткий: *Көләч йөзе, йомшак сүзе белән керә кешеләрнең эченә* (М. Гафури) ‘Ее мягкий нрав, доброе слово проникновены’; 4) неострый, слабый, некрепкий: *Әткәй чормадагы чалгыны алып төшөп карады да, муены йомшак, яңа божра кирәк булыр диде* (Г. Ибраһимов)

‘Отец, спустив с чердака косу, сказал, что шейка слишком слабая и ей нужно новое кольцо’ и т.д. Сходство, близость эмоциональной оценки детерминируют эмотивный тип симилятивной связи, которая прослеживается между значениями слов *каты* – 1) твердый: *каты таш* (твердый камень); 2) твердый, жесткий: *каты куллы кеше* (жесткий человек); 3) тугой: *каты щетка* (тугая щетка) и другие.

Таковы основные содержательные типы внутрисловных семантических структур многозначного слова. Несомненно, разработанная М.В. Никитиным типология может быть детализирована, видоизменена и т.д., не лишне напомнить, что важное её достоинство заключается в отражении и противопоставлении двух кардинальных типов: значений, подсказываемых и навязываемых связями в объективной действительности, и связей, устанавливаемых в процессе классификационной деятельности человека, направленной на отождествление объектов по наблюдаемым признакам, объединение в один класс или, наоборот, отнесение к разным классам, определение соотносительности классов и т.д. Используя эту типологию, зная количество лексико-семантических вариантов полисемантического слова, направление их связей и содержательный их тип, можно получить действительно более полную картину внутрисловных отношений в семантической структуре слова.

Многозначным слово становится не сразу: иные значения появляются в процессе функционирования слова в речи, затем становятся фактом языка, входят в лексическую систему. При этом иногда первичное значение становится или менее употребительным, или вообще выпадает из активного состава словаря, а вторичные становятся основными.

В развитии разных значений, а затем в их утверждении существенна та речевая ситуация, в которую попадает слово, то есть так называемая его семантическая позиция. Роль контекста в данном случае не является основной: он лишь определяет, обуславливает реализацию значения слова.

2.3. Основные факторы и условия, способствующие многозначности слов в татарском языке

Проблема возникновения полисемии рассматривается во многих исследованиях, в частности в трудах Р.А. Будагова, В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, А.А. Уфимцевой. В татарском же языкознании данная проблема не затрагивается, а источником многозначности слов признается лишь перенос наименований на основе сходства или смежности (Г. Ахатов, К.С. Сабилов, Ш. Рамазанов, Ф.С. Сафиуллина).

Как и словарный состав языка, значения слов находятся в постоянном развитии. И это связано с изменением реалии общества, их социальной оценки и т.д. Изменения же реалий обусловлены развитием, происходящим в экономической, политической и культурной жизни народа. Следовательно, образование многозначности – обязательная закономерность образования и пополнения словарного состава языка [Уфимцева, 1986, с. 121; Новиков, 1982, с. 41, Сафиуллина, 1999, с. 19].

На развитие многозначности могут влиять как внеязыковые, так и языковые причины. Среди факторов, способствующих повторному использованию уже существующего имени с закрепленным за ним значением, главными, по-видимому, являются причины экстралингвистического (внеязыкового) порядка. Главными из внеязыковых причин являются две.

1. Первая причина – это принцип экономии, оптимизации. Суть его заключается в следующем: нельзя обозначать каждое новое понятие словом, это привело бы к непомерному увеличению словарного состава языка. «Если каждое новое понятие обозначалось бы новым словом, что человек не мог бы сохранить даже нужные слова. Поэтому человеческий разум выбирает самый экономичный путь: использование одного и того же слова в разных значениях» [Сафиуллина, 1999, с. 20].

Вот, например, татарское слово *жәй* в номинативном значении первоначально использовалось как ‘шов, строчка, стёжка’: *Һәр чигештә күпме яшь тамчысы, Күпме сагыш һәрбер жәендә* (М. Жәлил) ‘Сколько капель слез в каждой вышивке, сколько горечи в каждом шве, строчке’. В процессе жизнедеятельности человека возникла необходимость для обозначения новых понятий таких, как ‘мед. шрам, рубец’, для этого люди начали использовать

уже существующее слово: *Күлмәгенең ачык якасы астыннан муенындагы яра жәе күренә иде* (Г. Әпсәләмов) ‘Из открытого ворота сорочки виднелся рубец от раны’. Исходя из схожести объектов также данным словом обозначается ‘тех. место соединения стык’ *эретеп ябыштырылган жәй* ‘сварочный шов’. Таким образом, одним словом человек обозначает несколько понятий, тем самым не загружая лексический состав языка новыми словами, при этом не возникает путаницы, так как, между всеми значениями слова *жәй* можно проследить общее значение ‘шов’.

В развитии значений слова вторая причина определяется способностью человека обобщать в слове явления окружающего нас мира, которая отражается в языке, в том числе в многозначности. Словарь любого языка, даже самого богатого, все же не беспределен, тогда как конкретность опыта предела не знает. «Многозначность (полисемия) слова определяется и природой мышления и особенностями повседневного опыта человека» [Будагов, 1965, с. 22]. «Количество отраженных в нашем сознании моментов действительности и количество понятий оказывается большим, что количество отдельных самостоятельных языковых единиц для их отражения средствами языка» [Смирницкий, 1956, с. 156].

Например, слово *итәк* в основном значении – подол платья, пальто, одежды (*Ханым чүгәләп, күлмәк итәген кайтара төште дә, жылы тимер идәнгә утырды* (Ә.Еники) ‘Женщина присела на теплый железный пол, чуть прибирая подол платья’). В процессе исторического развития слово приобрело также значения: 1) юбка: *Ул киенгән газ итәкләр Жил-давылда ялтырый* (Н.Исәнбәт) ‘Одетые ею газетные юбки блестят на ветру’; 2) колени, перед: *Никтер әнине сагынам. Аның итәгенә ятып, озак егыйсым, дөнъяның мине жәберләве турында йөрәгемдә уянган зардан күз яшем белән бушанасым килә* (Г. Ибраһимов) ‘Почему-то очень скучаю по матери. Хочется долго поплакать на ее коленях, хочется излить все свои обиды на жизнь, хочется облегчить душу’; 3) мера величина веса: *Сиңа менә, бер итәк... кәнфит, прәннек, чикләвек, жимеш... бары да бар* (Ф.Бурнаш) ‘Вот тебе полный короб конфет, пряников, орехов, фруктов... все есть’; 4) конец радуги: *Салават күперенең бер итәге иген кырына терәлгән* (Ә.Еники) ‘Один конец радуги упирается на посевное поле’; 5) край, опушка: *Урман итәгендә, безнең яткан чокырдан бер ярты километр биредә, кеченә авыл* (Ф.Кәрим) ‘На опушке леса, недалеко от нашего убежища,

располагается маленькая деревня'; 6) устье, низовье: *Фәтхи инеш итәгенә төшеп китте* (Ш.Камал) 'Фатхи пошел к берегу реки'; 7) след, осторожность: *Авыл халкы аның [әтнең] улавын ишетү белән таралган итәген тиз генә жыеп ала* (Ф.Кәрим) 'Жители деревни, заслышав вой собаки, быстро заметали следы, становились осторожными'.

Весьма значительную роль в изменении семантики слова играют социальные факторы, прежде всего использование слов определенными социальными группами. Каждая социальная среда характеризуется своеобразием своих номинаций, вследствие чего слово приобретает иное содержание в речи разных социальных, профессиональных, культурных групп и соответственно становится полисемантическим. Таково многозначное слово *божра* 'кольцо'; 'кольцо корзины (баскетбол)'; 'площадка (для борьбы)'; 'годовое кольцо древесины' в современном татарском языке. Так же сюда можно сюда отнести слова арго и жаргонизмы. Например, такой жаргонизм как *карга* (в номинативном значении 'ворона (птица)': *Карга килсә, кар китә* 'Когда прилетают вороны, начинается снег' (пословица)) используется для обозначения карточной масти пики (*карга короле* – 'король пики').

Помимо указанных причин, обуславливающих развитие полисемии слов, отдельное внимание заслуживают и психологические факторы семантических изменений. Это прежде всего существование различного рода запретов, или табу, продиктованных чувством страха и религиозными верованиями (люди из суеверия избегают называть своими именами дьявола, злых духов, бога и т.д.), чувством деликатности, когда речь идет о неприятных темах, например болезни, смерти и т.д., стремлением соблюдать приличия при разговоре о явлениях, относящихся к интимной сфере жизни, определенным частям и функциям человеческого организма, а также различного рода изменения в эмоциональной оценке предметов и явлений. В силу названных причин говорящие начинают использовать для выражения необходимых значений эвфемизмы (греч. *euphemismos* – хорошо говорю), т.е. слова-заместители, которые с течением времени приобретают эти значения качестве постоянных своих семантических характеристик. Некоторые грубые слова заменяются не одним, а несколькими эвфемизмами. В таких случаях среди них встречаются слова, имеющие иронический оттенок.

К эвфемизмам примыкает и табуирование – запрет на слова по суеверным или каким-либо другим представлениям. Это явление связано «с верой в возможность непосредственного воздействия на окружающий мир при помощи языка» [Леонтьев, 1990, с. 50].

Таковы истоки новых значений многозначных татарских существительных типа *кандала*, которое имеет значение ‘клоп’, но в народе считается, что если называть так данное насекомое, то оно может быстро размножиться (о постельном клопе), поэтому практически всегда используется слово *кибэк* (номинативное значение ‘мякина’): *Миңа, өй эче бөркү булу өстенә, таракан, кандалалар төрле яктан һөҗүм итә башлыйлар* (М.Гафури) ‘В доме мне очень душно, к тому же с разных сторон начинают нападать тараканы и клопы’ – *Йосыф муеныннан кибэк тотты* (Г.Колэхмәтов) ‘Юсуф поймал на шею клопа’.

«Смягчающие наименования определяются, начиная с античных риторик, термином эвфемизмы, функция которых заключается в нейтрализации истинного смысла прямых наименований, смягчении его, путем «облекания» в обтекаемые словесные формы. Такой камуфляж не скрывает смысла. Новые наименования воспринимаются однозначно, однако форма облачения смысла становится корректной и психологически более приемлемой» [Леонтьев, 1990, с. 50].

Полисемия, возникшая вследствие реинтерпритации омонимов, признается существующей только носителями языка. Это явление практически отсутствует в татарском языке и научного обоснования не имеет.

Наряду с экстралингвистическими причинами, обуславливающими появление новых значений и тем самым развитие многозначности слов, действуют причины внутрилингвистические или языковые.

Причины образования многозначности бывают внешние и внутренние. К внешним относится, например, образование переносных значений слова, обусловленное русско-татарским двуязычием. Например, значения терминов ‘прилагательное’, ‘корень’, ‘ворота (спорт.)’ и других у слов *сыйфат* ‘прилагательное’, *тамыр* ‘корень’, *капка* ‘ворота’ появились таким образом. К данным примерам также можно отнести переносные наименования, образованные путем калькирования из русского языка [Юсупов, 1981, с. 120]: *тәрәзә* (основное значение ‘окно’) в результате заимствования

ассоциативного значения и структурной модели с русского языка приобрело номинацию ‘окно (пустая клетка в графе, расписании и т.п. и соответствующее ей нерабочее время)’: *Минем буш дәресем, “тәрәзәм» бар иде* (Э.Касыймов) ‘У меня было свободное занятие, окно’; так и слово *челтәр*, одно из значений которого ‘сеть, решетка’, по аналогии с русским языком начало употребляться в сочетании *телефон челтәре* ‘телефонная сеть’. Из внутренних причин можно назвать взаимодействие литературного языка с диалектами и его вариантами между собой. Например, слово *билге* ‘знак’ и слово *били*, *билге* ‘подарок, который дарят жениху в доме невесты в знак согласия на брак’ в касимовском и темниковском говорах татарского языка.

Развитию многозначности слов в исследуемом языке способствуют различные условия. Основными из них являются следующие:

1. Отсутствие экспрессии и эмоциональной окраски у производящего слова. Например, слово *йөк* в значениях – 1) груз – товар, принимаемый для перевозки: *Йөк артыннан жәяүләп баручылар арасында Халик белән Закир да бар иде* (Ш. Камал) ‘Среди тех кто шел за грузом пешком были и Халик с Закиром’; 2) тяжелая работа, труд: *Иген игү эшенең иң авыр йөкләре кеше жылкәсеннән машина жылкәсенә салынды* (Ф. Хөсни) ‘Самая тяжесть пахаты перешла от людей к машинам’; 3) бремя, обуза, тяжесть: *Дөнъяда дус бул, йөк булма* (мәкаль) ‘В миру будь другом, а не обузой’.

2. Частота употребления слова, если обозначаемое им понятие актуально. Например, слова, входящие в лексико-семантическую группу «металлы»: *алтын* ‘золото’, *көмеш* ‘серебро’, *бакыр* ‘бронза’, *жиз* ‘медь, латунь’, *кургашын* ‘свинец’, *тимер* ‘железо’ и др., часто употребляемы и в основном однозначны или имеют только два-три значения. Лишь некоторые из них составляет слово *алтын* ‘золото’, которое имеет переносные значения, что объясняется указанным обстоятельством.

3. Нечленимость основы слова с морфологической точки зрения. У слов с производной основой словообразовательных возможностей меньше, чем у слов с непроизводной основой. Это объясняется тем, что «значение словообразовательных формантов индивидуализирует общее значение слова и мешает использованию его в качестве знака для обозначения других понятий» [Прохорова, 1980: 21]. Это относится и к именам существительным татарского

языка. Так, в «Толковом словаре татарского языка» (1977–81) из 86 многозначных существительных на букву *А* производными являются 28 (32,5 %), из 82 существительных на букву *Ч* – 32 (39 %), а из 46 существительных на букву *Д* – 13 (31,4 %). Следовательно, подавляющее большинство имен существительных с переносным значением имеет непроедную основу. Данные нашего исследования показывают также, что существительные с производной основой в основном не имеют переносных значений, то есть однозначны.

4. Словообразовательные возможности лексико-семантической группы, к которой относится данное слово. Наличие переносных значений слов в значительной степени зависит от их словообразовательных возможностей. Анализируя различные лексико-семантические группы имен существительных, можно отметить, что те из них, которые лишены деривационных потенциалов, не употребляются и в переносных значениях. Это названия металлов, украшений, напитков, кушаний, пищевых продуктов, орудий труда, деревьев, инструментов, тканей и изделий из них, машин, постельных принадлежностей, мебели и многие другие. Из такой огромной массы имен существительных многозначны лишь единицы. Например, *эңә* ‘иголка, игла’: 1) заостренный металлический стержень с ушком для вдевания нити, употребляемый для шитья: *Эңә дә булак, дая дә булак* ‘букв. И иголка подарок, и верблюду подарок’ (пословица); 2) предмет такой формы, заостренный с одного конца, колющий: *Патефон эңәсе* ‘иголка патефона’, *укол эңәсе* ‘игла укола’; 3. хвоя, листья хвойных деревьев *чырышы эңәсе* ‘хвоя ели’; также шипы некоторых растений, кустарников: *роза эңәсе* ‘шип розы’, *гөлжимеш эңәсе* ‘шип шиповника’.

И все таки необходимо, отметить, что действие интралингвистических причин не столь очевидно, как влияние экстралингвистических факторов, обуславливающих появление многозначности, и гораздо меньше вследствие этого изучено.

Равным образом как причины семантических изменений могут быть, как было показано выше, самыми разными, сами семантические изменения по своей природе могут также различаться, так как в их основе могут лежать различные закономерности. Иными словами, использование имени какого-то объекта для обозначения какого-то иного объекта проходит не хаотично. В основе вторичного использования имен, обычно описываемого как перенос

значений, хотя, несомненно, правильнее говорить о переносе имен и развитии у них вторичных значений, лежат законы ассоциативных связей. Ими определяются виды семантических изменений слова в ходе его исторического развития, типы отношений между значениями в диахронии и как конечный результат типы самих значений в семантической структуре полисемичного слова.

Выводы ко второй главе

1. Большинство слов в языке многозначны. Лексическая полисемия – наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова.

2. Понятие лексической полисемии может быть противопоставлено таким понятиям как однозначность (моносемия) и омонимия. Они являются крайними полюсами полисемии.

3. Среди значений, присущих многозначным словам, одно воспринимается как основное (главное, производящее, исходное, номинативное), а другие как производные (вторичные), от этого главного, исходного значения.

4. При разграничении основных (главных, прямых) и производных (переносных) значений многозначного слова учитывается парадигматическая и синтагматическая обусловленность слова в отдельных значениях. Основные значения парадигматически более закреплены и в синтагматическом отношении более свободны. Это в общем соответствует определению основного значения как наименее контекстно обусловленного (или значения, которое прежде всего возникает в сознании носителя языка при произнесении слова вне контекста).

5. Проанализировав семантические особенности слов татарского языка, пришли к выводу, что регулярная многозначность понятие для языка весьма относительная, хотя имеет место быть.

6. При упоминании явления полисемии нужно помнить её контекстуальную обусловленность, так как лексико-семантические варианты слова реализуются лишь в речи.

7. Семантическая деривация – процесс семантических изменений, происходящих в структуре слова. Без осмысления роли семантической деривации в языке невозможно составить целостного

представления о семантическом пополнении и обогащении лексического состава татарского языка.

8. Между значениями многозначного слова существует определенная семантическая связь, что дает основание считать их значениями одного и того же слова.

9. Рассмотрев внутрисловные связи между лексико-семантическими вариантами слова, заключили, что эти связи составляют основу структуры многозначного слова. Представляются три основных топологических типа расположения связей в структуре многозначного слова: цепочную, радиальную и смешанную.

10. Выделяются два основных типа концептуальных связей, равно как и содержательных связей между словозначениями: 1) импликационный и 2) классификационный.

11. Проводится общий анализ возникновения полисемантичности и выявляются основные факторы и условия, способствующие образованию лексической многозначности. Основными причинами указаны принцип экономии и способность человека обобщать в слове явления окружающего мира. Также отмечены социальные, психологические факторы. К языковым факторам можно отнести двуязычие, взаимодействие с литературного языка диалектами и так далее.

Особенностями полисемии в основном определяется своеобразие лексики татарского языка и несовпадение его семантической структуры.

Подводя итоги всему вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что вопрос выработки комплексного подхода к изучению явления полисемии в лексикологии представляется интересным и особенно злободневным в настоящее время в связи огромным (и растущим) количеством многозначных слов как в татарском, так и других языках, – это еще одно доказательство актуальности предмета исследования данной работы и плодотворности дальнейших размышлений над ним.

ГЛАВА III ЛЕКСИЧЕСКАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ, ВОЗНИКШАЯ ПРИ ПЕРЕНОСЕ ЗНАЧЕНИЙ

3.1. Переносные значения слов

Объективный мир весьма многообразен. Самые различные предметы, их функции, действия, явления в экстралингвистическом мире часто имеют сходные или одинаковые признаки. Столкновение с одним явлением тут же вызывает ассоциации с другим сходным или идентичным явлением. Это в свою очередь дает возможность употреблять сходные или одинаковые признаки наименований предметов, явлений одного семантического класса для обозначения предметов, явлений другого семантического класса.

Происходящие внутри слова семантические изменения играют существенную роль в развитии всей лексической системы татарского языка. Они обусловлены прежде всего развитием новых значений слова в процессе переноса названия с одного предмета на другой на основании сходства реалий (по форме, внешнему виду, цвету, ценности, положению, общности функции), а также по ассоциации и смежности. Отсюда возникает и многозначность слов на основе переноса значения слов. Переносное значение слова – производное лексическое значение слова, связанное с основным значением отношениями метонимической, метафорической зависимости, функциональной общности или какими-либо ассоциативными признаками [ЛЭС, 1990, с. 105; Русский язык, 1979, с. 200]. С данным способом развития значений обусловлено семантическое обновление всего слова, а также сужение или расширение значения слова (т.е. количественное изменение обозначаемых словом признаков предмета). Например, слово *бэйрәм* в основном значении ‘праздник, празднество’: *Бэйрәм көн шикелле Авианос эчендә*: Ниндидер сөнеч һәркемнең йөзөндә (Х. Туфан)

‘В авианосце как праздничный день: на лицах у каждого какая-то радость’. В результате ассоциаций слово начало использоваться в значении ‘радость, торжество’: *Мәдинәгә тик эш кенә булсын, эш – аның куанычы, шатлыгы, бәйрәме* (М. Хәсәнов) ‘Для Мадины главное работа, работа для неё и радость, и веселье и торжество’.

Слово төшем в прямом значении употребляется как ‘обмолот, количество обмолоченного зерна, семян, урожай’: *Әнә, башланмаган биш йөз кәлтә бар әле, төшемә чибәр күрәнә, кырык поттан да ким булмас* (М. Гали) ‘Вон еще есть несжатые пятьсот снопов, урожай очень хороший, будет не меньше сорока пудов’. В процессе использования слова в различных сочетаниях в результате ассоциаций и сходства, оно приобрело такое переносное значение как ‘прибыль, доход, выгода’: *Газетадан да аз-маз төшем килә* (Г. Камал) ‘От газеты тоже есть кое-какая прибыль’.

Между отдельно взятыми значениями многозначного слова имеются определенные смысловые связи, и по связям понятно то, почему довольно разные предметы, явления, свойства и так далее оказываются названными посредством одного и того же слова. Например, в татарском языке и хвост животных, и задняя часть судна обозначаются словом койрык ‘хвост’: *Тиен дә койрыктан уңган: сикерсә – пружинадай булган, йокласа – юрган* (А. Алиш) ‘Повезло белке с хвостом: если прыгать – как пружина, если спать – то как перина’. Вследствие такого рода связей, все значения многозначного слова как бы выстраиваются в определенном порядке: одно из значений составляет «опору» для другого. В нашем примере исходным, прямым значением является: *койрык* (тиен койрыгы) ‘хвост (белки)’, второе значение становится переносным: ‘задняя, хвостовая часть судна’ – *Пароходның койрык ягында ышык һәм жылы иде* (Ә. Еники) ‘В хвостовой части парохода было безветрено и тепло’.

Связь между отдельными значениями полисемичного слова предполагает сохранение в переносном значении того или иного признака, объединяющего это значение с прямым (или с другим производным), но вовсе не предполагает тождества всей совокупности сем, выделяемых в каждом из значений. Наоборот, получая переносное значение, слово, как правило, переходит в другое семантическое поле, нередко также в другой синонимический ряд, в другую антонимическую пару и т.д. Так, татарское слово апа ‘родная сестра, родственница старшая по возрасту’ в переносном

значении уже вовсе не ‘родственница’, а просто ‘женщина старшая по возрасту’ (остается лишь дифференциальный признак пола и, в существенно измененном виде, признак принадлежности к ‘поколению родителей’): *Үзем өчен генә түгел, сугыштагы ирем, фашистлар үтергән апам өчен дә көчемне аямый эшләргә сүз бирдем* (Г. Бәширов) ‘Я дала слово работать не покладая рук не только за себя, но и за мужа, который на войне, за сестру, убитую фашистами’. – Тәрбияче апалары (неродственные отношения) аларны бу эштән бик тиз туктатты (А. Алиш) ‘Воспитательница очень быстро остановила их от этого дела’. Другими словами, каждое значение полисемичного слова вступает в свои особые системные связи с другими элементами лексики.

Связи слов, обладающих прямым значением, контекстно не обусловлены, они зависят от предметно-логических отношений, которые достаточно широки и относительно свободны. Переносные значения имеют меньшую парадигматическую обусловленность и большую синтагматическую связанность, чем прямые значения. Например, слово *авыз* в прямом значении ‘рот (человека, животного, птицы, рыбы), зев, пасть (зверя)’: *Авызың кыек булса, көзгегә үпкәләмә* (мәкаль) ‘На зеркало неча пенять, коли рожа крива’. В переносном наименовании данное слово используется в значениях ‘рот (едок)’: *Менә шул фәкыйрь вә шуның өстенә әллә ничә авызы булган семья эченә мин ятим бала булып килеп кергәнмен* (Г. Тукай) ‘Я – сирота стал частью этой бедной семьи, к тому же имеющей и без меня много едоков’; ‘горловина, горлышко (бутылки, сосуда)’: *Бал кортлары кереп беткәч, бабай тубалның авызын бәйләп куя* (А. Алиш) ‘После того как все пчелы залетают, дедушка завязывает горлышко лукошка’; ‘устье (печи, оврага, балки) раструб чело ‘горна’ жерло, зев (печи)’: *Нургали тартып бетермәгән тәмәкесен сүндермичә мич авызына ыргытты* (Ә. Еники) ‘Нургали, не докурив сигарету, бросил её в зев печи’; ‘устье (реки)’: *Без пароход йөртеп уйнаган ермак авызында пристань була* (Г. Гобәй) ‘Устье канавки, где мы играем с пароходиками, есть для нас пристань’.

В языкознании переносные значения слова подразделяются на два вида: генетически переносные и собственно переносные значения [Гузеев, 1985, с. 23]. По этому подразделению, генетически переносные значения функционируют в языке наряду с прямыми значениями. Они не обладают эмоционально-

экспрессивной окраской, они являются переносными лишь по своему возникновению. Но фактически они развиваются на базе основного значения и являются производными. Иногда их называют производно-номинативными. Например, слово йөрәк ‘анат. сердце’ (*Мин сугышка керсәм, дошманымның Йөрәгенә төзәп атармын* (Ф. Кәрим) ‘Если я попаду в бой, я буду стрелять прямо в сердце врагу’) в переносных значениях ‘душа, сердце (какместилище чувств человека)’ (*Кемне сөя икән Гөлчирәбез, Кемдә икән аның йөрәге?* (Ф. Кәрим) ‘Кого же любит Гульчира, к кому же лежит её сердце’); ‘центр чего-либо’ (*Сугыш башланып өлгермәде, дошман безнең илебезнең йөрәгенә кулын суза башлады* (И. Гази) ‘Война толком и не началась, но враг уже метил в самое сердце страны’).

Собственно переносные значения обладают экспрессивно-эмоциональной окраской, например, тоже слово в значениях ‘ласк. душенька, сердце мое’ (*Жавап хаты көтәм, йөрәгем* ‘Душенька моя, жду ответного письма’); ‘смелость, отвага’ (*Сафыйга каршы торырлык йөрәк Гайнидә күптән үлгән иде инде* (Г. Гали) ‘У Гайни давно уже потерялась та смелость, чтоб противостоять Сафию’); ‘совесть’ (*Мин кабыздым жырда ялкын итеп Йөрәгем һәм халык кушканны* (М. Жәлил) ‘букв. Я зажег в песнях как костер, что мне велели совесть и народ’).

По структуре переносные значения слов бывают двух видов: полные и частичные. Полные наименования – это те, которые в структурном плане не отличаются от своих прямых наименований, в которых новые лексико-семантические варианты полностью мотивированы исходным. Например, слово *баш* в прямом значении обозначает ‘часть тела животных и человека, голова’ (*Ике тәкә башы бер казанга сыймас* (мәкаль) ‘букв. В один котел не уместятся головы двух баранов’) и *баш*, обозначающее умственные качества человека (обычно в разговорном стиле) (*Хәер, бүген инде соң да, аннары тагын мондый чәбәләнгән мәсәләләрнең очына чыгарлык баш та калмаган иде* (Ф.Хәсни) ‘Ладно, сегодня и поздно, к тому же чтобы решить такую запутанную задачу не осталось и сообразительности’).

Частичными называются такие переносные наименования, при которых меняется их структура, т.е. простое слово может заменено производным: *теш* ‘зуб’: *Газинур алдагы ике киң тешен күрсәтеп елмайды* (Г.Әпсәләмов) ‘Газинур улыбнулся, показав свои перед-

ние широкие зубы’ – *тешчек* ‘зуб, зубчик’: *тырма тешчеге* ‘зубья, зубчики грабли’, *тарак тешчеге* ‘зубчики расчески’. Кроме переносных значений, как устойчивых, зафиксированных фактов языка, существует переносное употребление слов в речи, ограниченное рамками данного высказывания использование того или иного слова в необычном для него, иносказательном значении с целью особой образности, выразительности, преувеличения и т.п. Их называют индивидуально-авторскими. Переносное употребление слов – один из очень действенных художественных приемов, широко используемых писателями и поэтами в татарской литературе.

В качестве примера можно привести такие писательские находки, как ут толымнары ‘косы пламени’ (*Мич көймәсенә тулган ут толымнары тагын да шәбрәк ялкынлана башлый* (Ш. Маннур) ‘Косы пламени в печи начинают возгораться еще сильнее’) или фәлсәфә чатыры ‘букв. носилки с балдахином для похорон философии’ (*Мин фәлсәфә чатырлары тегәм, жәбөн кисә үлем белемнең* (Х. Туфан) ‘Я шью носилки для похорон философии, нити знания срезает смерть’). Для лингвиста подобные стилистические элементы, тропы, а также и аналогичные факты бытовой речи важны как яркое свидетельство неограниченной способности слова принимать новые значения. Но более существенно для языковеда рассмотрение тех переносных значений, которые находятся в языковом обиходе представителей конкретной нации, которые должны фиксироваться, и фактически обычно фиксируются словарями, и должны наравне с прямыми значениями усваиваться людьми, изучающими соответствующий язык.

Нужно отметить также и то, что понятие переносные значение в языкознании несколько шире, чем в литературоведении и стилистике. Например, в лингвистике метафорическим типом переноса названий, возникающих в результате уподобления по сходству, являются такие значения слов, образность которых вполне ошутима, а также значения, образность которых давно не ощущается, однако в слове есть и заключена в самом факте сравнительного переноса названия с одного предмета на другой, т.е. в тех сходных ассоциациях, которые могут возникать при использовании слова в переносном значении. Например, алма ‘яблоко’ (*Баскычлар куеп, кызыл битле алмаларны саклык белән генә өзәләр дә кәрзиннәргә тутырлар* (И. Гази) ‘Ставят лестницы, осторожно срывая крас-

ные яблоки, складывают их в корзины’) – алма ‘щека’ (*Габитовның агарынган тамчы-тамчы салкын тир бәрәп чыккан йөзөндә елмая балкып китте, бит алмаларына кызыллык йөгөрдә* (И. Гази) ‘На бледном лице Габитова, где пробивались капли холодного пота, засеяла улыбка, на щеках появился румянец’). В литературоведении же переносные значения слов чаще относят к тропам, которые рассматриваются как слова с иносказательным значением: *Язьмыш серләренә төшенеп бетерерлек тә тугел* (Ә. Еники) ‘Невозможно постичь все тайны судьбы’ [Поспелов, 1954, с. 78; Хатипов, 2002, с. 101].

Вышесказанное показывает, что переносные значения слов изучают: а) как средство создания художественной речи, как троп; б) как способ семантических изменений значения слова, переносное значение слова; в) как средство номинации. Нашей задачей не является изучение переносного значения слова как средства создания художественной речи, а все остальные аспекты представляют для нас непосредственный интерес.

В языкознании выделяют следующие виды переносных значений слов: метафору, метонимию, синекдоху, перенос по функциональной общности.

3.2. Метафорический перенос наименования

Велика роль метафоры в сохранении, обновлении и пополнении лексического фонда языка. Метафора идет в бок о бок с прямым наименованием предмета, и это единство понятия и образа – ключевой признак человеческого мышления [Харченко, 1989, с. 6]. Как отмечает Ян Парандовский, «метафора выручает словотворчество – без метафоры словотворчество было бы обречено на непрерывное производство все новых и новых слов и отяготило бы человеческую память невероятным грузом» [Парандовский, 1990, с. 157–158].

В языкознании метафора пришла из риторики, где она рассматривалась как средство изобразительной речи и эстетики. Древнегреческий философ и ученый Аристотель – первый, кто рассмотрел в своих трудах понятие метафоры. Аристотель в «Поэтике» описал метафору как способ переосмысления значения слова на основании сходства. В глубинах античной науки сформировался

получивший развитие в XX веке взгляд на метафору как неотъемлемую принадлежность языка, необходимую для коммуникативных, номинативных, познавательных целей [Античные теории..., 1996, с. 201].

Начиная с XX века метафора является предметом изучения в трудах А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, В.Г. Гака, Н.Д. Артюновой, Г.Д. Складневской, Д.Н. Шмелева, В.К. Харченко, М. Блэка, Р. Якобсона, Э. Кассирера, М. Джонсона и др. В татарском языкознании к проблеме метафорического переноса наименования обращались Г.Х. Ахатов, К.С. Сабиров, Х.Р. Курбатов, В.Х. Хаков, С.Ш. Поварисов, И.Б. Баширова, Ф.С. Сафиуллина, А.А. Нугуманова.

Лексическая полисемия, основанная на метафорических переносах, несомненно, сложное и неоднородное явление. Она обладает определенными особенностями. Прежде всего, необходимо отметить то, что в татарском языке она распространена гораздо шире, чем все остальные разновидности многозначности.

Метафора (греч. *metaphora* – перенос) – перенос наименования одного или иного предмета или явления на другой предмет или явление на основании сходства [ЛЭС, 1990, с. 125; Сафиуллина, 1999, с. 20].

В языкознании существует несколько классификаций метафоры: по характеру образования, по структуре, по семантике и другие.

Как показывают исследования, в лингвистике метафора возникает на основании сходства.

1. По форме предметов: *тәңкә* 1) ‘монета’: *Мэзин бер сумлык тәңкәне кесәсенә тыкты* (Г. Ибрагимов) ‘Мадзин засунул монету в один рубль в карман’; 2) ‘рыбная чешуя’: *Вак балыклар, көмештэй ак тәңкәләрен ялтыратып, кечкенә койрыкларын күңелле селкетеп йөзеп киттеләр* (Г. Гобэй) ‘Маленькие рыбешки проплыли, поблескивая серебристой чешуей, весело вертя маленькими хвостиками’; 3) ‘маленький кружок, медаль’ *Гәрәйнең бөтен күкрәге тасмалы тәңкәләр белән тулган* (А. Шамов) ‘Вся грудь Гарая полна медалями’ (В некоторых источниках слово *тәңкә* в значении ‘рыбная чешуя’ рассматривается как омоним [Салимгареева, 1982, с. 75]). Данная разновидность метафорического переноса дает главным образом регулярные сочетания значений. Подобные метафорические переносы характерны в основном для

существительных с конкретной семантикой. Для татарского языка распространенной является комбинация значений ‘орган (часть) тела человека или животного’ → ‘деталь какого-либо предмета’: *колак* ‘ухо’ – *колак* ‘ушко шапки’, *анат. тел* ‘язык’ (*Теш дигән койма артында Тел дигән арыслан йөри* (пословица) ‘За воротами, называемые зубы, есть лев, называемый языком’) – (*сәгать*) *теле* ‘язык (часов)’ (*Фатих аны [сәгатьне] ачкыч белән борып-тикшереп карады, телен җибәрде* (Э. Касимов) ‘Фатих проверил часы ключом и пустил стрелку’, *канат* ‘крыло птицы’ – *канат* ‘крыло самолета’ и т.д.

2. По местоположению предметов: *өй түбәсе* ‘крыша дома’: *Монда бик шәп салынган, такта түбә белән ябылган йорт бар* (М. Гафури) ‘Здесь есть дом с очень хорошо выложенной деревянной крышей’ и *баш түбәсе* ‘черепная коробка’ *Карт түбәсе түп-түгәрәк булып пеләшләнеп килгән башын түбән иде* (А. Шамов) ‘Старик опустил свою голову с пролысиной’ – перенос произошел по положению предмета в значении ‘крыша здания’ и положению черепной коробки (в результате калькирования данное слово также получила значение ‘покровительство, покрытие’, употребляемое в разговорной лексике или как жаргонизм). С помощью данного вида метафорических переносов также образуются регулярные комбинации значений. Группе слов, многозначность которых основана на переносах по положению, свойственны комбинации значений типа ‘орган (часть тела) человека или животного’ → ‘географический объект (или его часть)’: *бугаз* ‘горло’ – *диңгез бугазы* ‘пролив’, *баш* ‘голова’ – *елга башы* ‘исток реки’; также близка к предыдущей комбинации значений типа ‘часть одежды’ → ‘географический объект’ *кулмәк итәге* ‘подол платья’ – *тау итәге* ‘низовье горы’. Но данная комбинация менее регулярна.

3. По сходству производимых звуков: *улый* 1) ‘выть’ (*бүре улый* ‘волк воет’ (*Төннәрдә бүреләр поселокка якынрак килеп улыйлар, ә иртән каядыр посалар* (Г. Әпсәләмов) ‘Ночами волки воют, подойдя ближе к поселку, а утром где-то затаиваются’); 2) *җил улый* ‘ветер воёт’ (на основе того, что при сильном порывистом ветре возникает звук, напоминающий вой) (*Җил улый, сызгыра, диңгез һаман дулкынлана, дулый бара иде* (Ш. Камал) ‘Ветер воет, свистит, море все волнуется, бушует’); 3) ‘рев, сильный плач’ (при сильном плаче также возникает звук, напоминающим вой, обычно употребляется в разговорной речи) (*Әниңә капка төбәндә улый*

калды (Г. Бәширов) ‘Апипа осталась ревет возле дома’)).

4. По внутренней схожести и ассоциации: *салкын көн* ‘холодный, прохладный день’ и *салкын караиш* ‘холодный взгляд’, при недоброжелательном или безразличном взгляде возникает чувство холода, неудобства, как и при холодной погоде.

5. По сходству действий и процессов: *карау* ‘смотреть’ – *карау* ‘ухаживать’. Данный вид можно интерпретировать как проявление наряду с метафорическим и метонимического переноса. В частности, действия, отраженные в первых их значениях, можно рассматривать и как часть, компонент действия, отраженных в производных значениях.

6. По сходству признака действия: *бозу* ‘испортить’ (*Май ботканы бозмый* (мэкаль) ‘Маслом кашу не испортишь’) – *бозу* ‘извращать’ (*Әле сөйләп туктаган бабай безне кешеләрне бозуда, диннән яздыруда гаепли* (М. Әмир) ‘Старик, который только что прекратил рассказ, обвиняет нас в извращении людей, в сбивании их с пути истинного’).

7. Сходство производимого впечатления: *кайнау* ‘кипеть’ и *кайнау* ‘переваривать’. Метафорические переносы, основанные на сходстве производимого впечатления, имеют значительное отличие от ранее рассмотренных именно в аспекте смысловых отношений, которые в конечном итоге определяются степенью близости отражаемых в значениях реалий. Сближение таких реалий на основе сходства производимого впечатления может быть связано с определенной степенью внешнего и функционального сходства, в результате чего можно их относить и к разновидности полисемии по функциональной общности. Нередко метафорические переносы на основе сходства производимого впечатления имеют экспрессивно-эмоциональный характер.

8. По сходству признака состояния с признаком процесса: *кору* ‘сохнуть’ – *кору* ‘вымирать’, *бату* ‘тонуть’ – *бату* ‘погрязнуть (в делах)’.

9. Сходство движения ‘динамичности’: *яшен* молния (*Яшен яшьнәп, жир йөзе ялтырап киткән иде* (Ш. Камал) ‘На земле было светло от проблесков молнии’) – *яшен* ‘о человеке, быстро делающем, успевающим’ (*Яшел күлмәк Фәйрузәкәй зитә нәкъ яшен иде* (М. Жәлил) ‘Файруза в зеленом платье успевала в каждом деле’). При таких переносах исходное значение, так или иначе, связано с миром живой или неживой природы, а производные –

с человеком и его ближайшим окружением. Например, слово *борча* в номинативном значении ‘блоха’ употребляется также для обозначения очень подвижного, живого человека (*Кандалалар белән борчалар үзен үрле-кырлы сикертәләр бугай* (Г. Камал) ‘Клопы и блохи, наверно, не дают ему покоя’. – *Ә бу борчалар? Ни эшләп йөриләр?* – *Кызык күрәп йөриләр* (Г. Гобәй) ‘А эти непоседы что здесь делают? – Забавляются’).

10. Сходство цвета: *чал чәч* ‘седой волос’ (*Чал чәчле, карчыга борынлы... хәрби кеше Сөләймановны өстәл янына чакырды* (И. Гази) ‘Седовласый военный человек с заостренным носом пригласил Сулейманова подойти к столу’) – *чал* ‘древний’ (*Чал Уралда уйный яшь кан, Күкри яшьлек жырлары* (З. Мансур) ‘На древнем Урале кипит молодая кровь, гремят молодежные песни’).

11. Сходство размера: *уймак* ‘наперсток’ – *уймак* ‘о человеке маленького роста’ (*Курбангали абзый, түшенә энәләр кадап, янына кайчысын, акбурын, уймагын алып, илгән тиреләр арасына утырды* (Ф. Хөсни) ‘Курбангали абзый сел между отобранными шкурками, приколов игла на грудь, взяв ножницы, мел и наперсток’. – *Минем балам уймак кына әле* ‘Мой ребенок еще мал’).

12. Сходство плотности: *каймак* ‘сливки’ – *су өсте каймак кебек* ‘а вода как сливки.

По характеру образования метафоры в языкознании выделяют четыре типа метафоры [Артюнова, 1988, с. 45]:

1) номинативная метафора – появляется в результате замены одного названия другим – служит источником омонимии: *кеше борыны* ‘нос человека’ – *чәйнек борыны* ‘носик чайника’;

2) когнитивная – появляется в результате сдвига сочетаемости признаков слов при изменении их значения от более конкретного к более абстрактному – служит источником полисемии: *су агымы* ‘течение воды’ – *вакыт агымы* ‘течение времени’;

3) генерализирующая – используется как название товаров, учреждений, бытового обслуживания и т.п. – ведет к возникновению логической полисемии: *юлдаш* ‘спутник’ – «*Юлдаш*» ‘название газеты’ и т. д.;

4) образная метафора – поиск образа, индивидуализации, апелляция к интуиции адресата – источник синонимии. «Частым случаем образной метафоры, – добавляют Е.И. Диброва, Л.Л. Косаткин и И.И. Щеболева – “является эмоциональная метафора. Для ее возникновения достаточно лишь субъективно-

эмоционального сходства явлений» [Диброва, 1997, с. 129]: *мәгрәү* ‘издавать звуки, кричать, о корове, быке’ (*Каядыр сыер мәгрәде, урам уртасында йоклап яткан казлар уянып, үзара сөйләшеп алдылар* (М. Әмир) ‘Где-то промычала корова, спящие в центре улицы гуси проснулись и прогоготали’) – *мәгрәү* ‘невнятно говорить, издавать нечленораздельные звуки’ (*Мулла үзенең мәгрәвен суза бирде* (Г. Ибраһимов) ‘Мулла продолжал протяженно «мычать»’).

В зависимости от структуры различают простые метафоры, построенные на сближении предметов или явлений по одному какому-либо признаку, которые не всегда однословны: *тормыш таңы* ‘рассвет жизни’, *күңел жыры* ‘песня жизни’. И развернутые, построенные на различных ассоциациях по сходству, которые зачастую распространяются на все произведение [Диброва, 1997, с. 177]. В этой связи И.В. Арнольд выделяет сюжетную и композиционную метафоры [Арнольд, 1973, с. 84].

По семантике выделяют языковые и речевые, т. е. возникающие только в определенном контексте, метафоры. Языковые (другие названия: генетические, лексические, мертвые, окаменевшие, стёртые) метафоры с течением времени утрачивают всякую связь с первоначальным образом, и переносное значение начинает восприниматься как прямое. Так, например, мы уже не чувствуем переносности в словах *кара* ‘чернила’, *сәгать теле* ‘стрелка часов’, *кагазь бите* ‘лист бумаги’ и т. д.

Речевые (индивидуальные, оригинальные) метафоры возникают часто, особенно в художественных произведениях; они воспринимаются как живые, а нередко и очень яркие.

В связи с этим вопросом следует заметить, что языковые метафоры по структуре чаще всего бывают простыми, а речевые – развернутыми.

Б.Н. Головин также обращает наше внимание на то, что «одно и то же метафорическое значение может развиваться на основе сложного, идущего по нескольким признакам одновременного сходства (форма и функция, действие и результат, результат и впечатление и т. д.)» [Головин, 1960, с. 72].

В словарях татарского языка метафоричность значения обычно обозначается пометкой *күч.* (*күчерелмә* ‘переносное’), однако в некоторых случаях даже не стертая, образная метафора не имеет указанной пометки.

Пройдя длительный путь развития в языке, метафора либо превращается в абстрактное понятие (либо становится единицей номинации, утратив всякую связь с первоначальным образом, и уже не обнаруживается никакой стилистической и экспрессивной выразительности).

Во многих трудах функциональный перенос наименования рассматривается как разновидность метафоры [Сабилов, 1965, с. 24, Ахатов, 1976, с. 56].

Функциональный перенос основывается на том, что два разных денотата получают общее наименование, так как выполняют одну и ту же или сходную функцию, иными словами, это когда наименования того или иного предмета или явления переносятся на другой предмет или явление на основе их функциональной общности [Сафиуллина, 1999, с. 25]. С истечением времени, тот или иной предмет или явление может менять форму, цвет, объем, но при этом выполнять ту же функцию. Например, слово *чүмеч* ‘ковш, сосуд с ручкой’ и *экскаватор чүмече* ‘ковш экскаватора’. В первичном значении слово *чүмеч* означает ‘ковш’ и имеется ввиду ‘сосуд для зачерпывания жидкости, сыпучих веществ, имеющий небольшой объем, вместимостью от 1 до 3 литров’, но с изобретением технического приспособления, выполняющего ту же функцию, но уже имеющий большую вместимость, произошел перенос наименования – ‘большой металлический сосуд или захватывающее устройство в различных механизмах’. Ср.: *Фатыйма, агач табак белән чүмеч тотып, казан янына килде* (И. Гази) ‘Фатыйма, держа в руках миску из дерева и ковшик, подошла к котлу’.

Аналогичен также перенос значения слова *аяк* ‘нога, одна из двух нижних конечностей человека или животных, выполняющая опорно-двигательную функцию’ – *аяк ‘өстәл аягы’* ‘нога, ножка, опора, нижний конец мебели, механизма, устройства’: *Акбуз хуҗасының күкрәгенә алгы аякларын куйды* (Г. Гобэй) ‘Акбуз [собака] положил на грудь хозяина свои передние лапы’. – *Шунда ук күмерне бушатып, трубага су салу да файда итмәгән, самоварның аягы кубып төшкән* ‘Не помогло и то, что, высыпав весь уголь, налили воду, все равно ножка самовара отлетела’ (Ә. Фәйзи).

Приведем еще несколько примеров. *Канат* ‘крыло, орган летания у птиц, насекомых, а так же у некоторых млекопитающих’ – *канат* ‘крыло, несущая плоскость летательного или дру-

гого движущегося аппарата’: *Казлар бик яман каңғылдашып һәм киерелеп-киерелеп канат кагыналар иде* (Ө. Еники) ‘Гуси, страшно гогочя и во всю расправляясь, взмахивали крыльями’. – *Еракта кара жир белән зәңгәр күк тоташкан урында, жыл тегермәненең канатлары экран генә әйләнә* (И. Гази) ‘Вдалеке, где черная земля соприкасается с синим небом, медленно вертятся крылья ветряной мельницы’.

Мәктәп ‘школа, учебно-воспитательное учреждение; здание такого учреждения’ – *мәктәп* ‘школа, направление, течение в науке, литературе, искусстве’: *Габделкаюм авыл мәктәбендә өч кыш укыды* ‘Габделкаюм обучался в деревенской школе три зимы’ (М. Гафури). – *Казан лингвистик мәктәбе* ‘Казанская лингвистическая школа’.

Во многих случаях изменение формы и внутреннего устройства предметов, характера осуществления различных действий не приводит к перемене названия, если их назначение остается прежним. Далеко не всегда можно говорить о развитии у конкретно взятого слова нового значения. Доказательством же того, что произошел перенос, возникает лишь вследствие того, что слова сохраняют прозрачную внутреннюю форму, ясно указывающую на первоначальные особенности соответствующих денотатов. Например, обозначение шахматных фигур *фил* ‘слон’ и *ат* ‘конь’ в настоящее время не оправдано их формой, но сами названия не изменились, так как не изменилась значимость и функция этих фигур в шахматной игре: *Райза (кулына шахмат филен тоткан килеш): Хәзер, хәзер. Болай йөрсәм, тегеләй була, тегеләй йөрсәм, болай була* (А. Алиш) ‘Райза (держа шахматного слона): Сейчас, сейчас. Если так пойду, будет так, если так, то будет так’. – [*Хатын*]: *Әтисе, син аңа атыңны бир* (М.Мәһдиев) ‘[Жена]: Папочка, ты отдай ему коня [шахматную фигуру]’.

Главное же отличие функционального переноса состоит в том, если метафора основана на сходстве материальной характеристики: на цвете, форме, характере движений, т.е. на совокупности непосредственно воспринимаемых органами чувств сходств того, с чего переносится название, на то, куда это название переносится. Например, *тарак* ‘продолговатая пластинка с рядом зубцов для расчесывания волос, для скрепления прически’ и *тарак* ‘вырост на голове некоторых птиц, пресмыкающихся’ ‘перенос на основе сходства формы’: *Уфа тараклары кайткан чәчен тараучыларга*

‘Привезли гребни из Уфы для расчесывающих волосы’ (Татар халык жыры) – *Этәч тарагы* ‘Гребешок петуха’.

Функциональный перенос не опирается чисто на материальное сходство, вещи могут быть очень отличаться по цвету, форме и т.д., но объединяет их общность функции. Так, например, *кашык* ‘ложка, предмет для зачерпывания жидкой, рассыпчатой пищи’ передало свое название слову *кашык* ‘ковш лотка мельницы, бункера комбайна’ не потому что они очень похожи по форме, а по выполняемой функции зачерпывания: *Өстәлгә ике тәлинкә, юка гына итеп туралган ипи телемнәре һәм ике кашык куелган* ‘На стол поставлены две тарелки, тонко нарезанные кусочки хлеба и две ложки’ (А. Гыйләзев). – *Мөшкә кашыгы* ‘ковш лотка мельницы’.

Таким образом функциональный момент семантики слова во многих случаях выступает как семантическая устойчивость значительных пластов лексики.

3.3. Метонимический перенос наименования

Важную роль при развитии и организации современной структуры татарского языка играет перенос наименования на основе его смежности. Несмотря на тот факт, что изучение метонимии имеет многовековую историю, она изучена гораздо меньше, чем метафора. И хотя в последние годы метонимия привлекает все большее внимание исследователей, многие языковеды отмечают, что этот вид переносного значения слова долгое время находится в тени метафоры [Новиков, 1994; Шмелев, 1977; Кустова, 2004; Падучева, 1996]. Однако, не вызывает сомнения, что метонимия представляет достаточно большой интерес для изучения. Наряду с остальными переносными значениями, в частности с метафорой, метонимия считалась фигурой речи и являлась объектом для исследования еще в античных поэтиках и риториках, в частности в трудах Цицерона. Он отмечает, что эта фигура речи является важным украшением речи и необходима хорошему оратору [Античные теории..., 1996, с. 221, 278]. Позднее метонимию рассматривали в рамках стилистики и литературоведения как один из основных видов тропов, широко представленный в речи и словаре. Начиная с конца XVIII века, филологи предпринимают попытки объяснить

при помощи метонимии семантические изменения в лексической системе языка. Позже в русской лингвистике метонимию изучают как номинативное средство. Во второй же половине XX века метафора и метонимия были открыты приверженцами когнитивной семантики вновь как средства познания и способы организации знания об экстралингвистической действительности, что стало причиной возобновления интереса к ним и появления новых работ о семантическом развитии значений [Шмелев, 1977; Апресян, 1974; Падучева, 1996; Шкилёв, 2005].

В татарском языкознании на сегодняшний день нет целостной теории метонимии, этот тип полисемии рассматривается по аналогии с русистикой [Сабилов, 1965; Рамазанов, 1954; Ахатов, 1976; Сафиуллина, 1999].

Метонимия как тип лексической полисемии представляет собой многоплановое явление. Метонимия (от греч. *metonimia* – переименование) – перенос наименования того или иного предмета или явления на другой предмет или явление по смежности [Жданов, 1989, с. 7; Шкилёв, 2005, с. 6]

Метонимия – это механизм речи, состоящий в регулярном илиokkaзиональном переносе имени с одного класса объектов (или единичного объекта) на другой класс (или отдельный предмет), который ассоциируется с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну и ту же ситуацию: два явления, некоторым образом связаны друг с другом [Новиков, 1994, с. 164]. «... всякое изображение в представлении явления (вещи, действия и состояния, качества) в виде одного из его моментов, в том числе в виде впечатления, – есть метонимия». [Потебня, 1910, с. 193]. Например: *ике чокыр (чай) эчү* ‘выпить две чашки чая’, где *чокыр* ‘чашка’ означает меру жидкости в сосуде. Метонимию следует считать одной из важных лингвистических универсалий, т.е. свойств присущих всем языкам или большинству из них [ЛЭС, 1990, с. 535].

Основой метонимического переноса наименования служат пространственные, понятийные, логические и синтагматические отношения между однородными и неоднородными категориями действительности, например предметами и их признаками (действиями). Например: слово *чулмәк* – ‘глиняный сосуд, предназначенный для хранения кисло-молочных продуктов’. В результате переноса на основе смежности формы (сосуда,

емкости) и его содержимого, данное слово употребляется в значении и содержимого данного сосуда: *Сэгыйть ул үзе генә булганда чирек чүлмәкне (сөт) эчә* (А. Шамов) ‘Сагит когда один может выпить полкувшина молока’.

Следует заметить, что при метонимии лишь соседние значения слова подобного переноса названия поддаются объяснению, связь же последующих звеньев идет от одного к другому последовательно и опосредованно, что в корне отличает метонимию от метафоры [Реформаторский, 1999, с. 86].

Метонимия отражает реальные отношения предметов (или явлений) между собой, однако при этом предметы (явления) существуют независимо друг от друга. При метонимии заменяемое и заменяющее понятия не имеют общей семантической части. Иначе говоря, если в основу метафоры положено семантическое пересечение двух классов, то метонимия действует в области непересекающихся классов.

Регулярные отношения между предметами или действием и предметом определяют контактно положение соответствующих им слов в контексте. Это часто достигается путем сокращения текста (эллипсиса): *Сәйдәш көйләрен тыңлау* ‘слушать музыку Сайдаша’ – *Сәйдәшине тыңлау* ‘слушать Сайдаша’; *Бер тәлинкә аш ашадым* ‘Съел одну тарелку супа’ – *Бер тәлинкә ашадым* ‘Съел одну тарелку’; *Өстәлдә Есенин һәм Сәгъди Синең төс турында серләшә* (Х. Туфан) ‘На столе книги Есенина и Сагди, в которых описан твой цвет’.

Метонимию можно делить на узуальную, т.е. закрепленную в языке, и окказиональную (индивидуальную). Например,

«Тел»не жырлап туй уртага чыкты,

«Тел» ил белән бергә тоташты

‘Свадьба перешла в центр, распевая «Тел» .

Тел» слилась со всей страной’ (С. Хаким)

В данном примере использовано авторская индивидуальная метонимия – «Тел», означающая стихотворение Г. Тукая «Туган тел» («Язык мой»), которое стало песней, гимном татарской нации.

Метонимия может основываться на следующих переносах:

1) действие и результат действия: *яралану очрагы* ‘ранение’ – *аяк яралану* ‘ранение ноги’, *кул* ‘рука’ – *кул* ‘подпись’ и др.

2) действие и место действия: *Болгар* ‘государство’ – *болгар* ‘изделие из кожи, изготовленное в этом государстве’;

3) материал и изделие, изготовленное из данного материала: *чуен* ‘материал, чугун’ и *чуен* ‘горшок, изготовленный из чугуна’ (*Бер караганда, съезд сарае навадан жиңел сыман, икенче караганда бэллүрдән үтә күренмәле* (Г. Эпсэлэмов) ‘С одной стороны здание съезда кажется легче воздуха, с другой стороны прозрачнее чем хрустальная посуда’ – *Өстәлдә эчемлекләр салынган кечкенә-кечкенә графиннар, алмалар тутырылган алсу-зәңгәр бэллүр вазалар* (Г. Эпсэлэмов) ‘На столе маленькие графины с напитками и розово-синие хрустальные вазы с яблоками’). Однако перенос не продуктивен (*ком* ‘песок’, *таш* ‘камень’);

4) форма ‘вместилище’ и его содержимое: *самовар кайный* ‘самовар кипит’ – *самоварда су кайный* ‘в самоваре кипит вода’;

5) организация и место расположения этой организации: *лаборатория оештыру, булдыру* ‘организовать лабораторию’ – *лаборатория булмәсе* ‘помещение лаборатории’;

6) организация и люди, работающие в ней: *куп цехлы завод* ‘многоцехный завод’ – *завод эшкә кереште* ‘завод приступил к работе’;

7) помещение и люди, находящиеся там: *зур аудитория* ‘большая аудитория’ – *аудитория шаулашып алды* ‘по аудитории прошел гул’;

8) населенный пункт и его жители: *алда авыл күренде* ‘впереди завиднелась деревня’ – *Бөтен авыл печән өстенә төште* ‘Вся деревня вышла на сенокос’. Нужно отметить и следующее, что каждое обозначение «населённого пункта» может быть использовано в значении «жители данного пункта» (обычно с местоимением *весь*): *Арча шәһәре* ‘город Арск’ – *Бөтен Арча шатланды* ‘весь Арск радовался’;

9) столица государства – правительство этого государства: *Мәскәү, Берлин, Вашингтон, Лондон, Париж* и др. *Мәскәү үзенең тәкъдимнәрен кертте* ‘Москва внесла свои предложения’. Тип продуктивен;

10) отрасль науки, знания и предмет изучения этой области: *грамматика* (структура языка) – *грамматика* (раздел языкознания, изучающий внутреннюю структуру языка);

11) социальное мероприятие и его участники: *конференция май аена билгеләнде* ‘конференцию запланировали на май’ – *конференция түбәндәге карарга килде* ‘конференция пришла к следующему выводу’;

12) автор и его труд, произведение, изобретение: *Тукайны ярату* ‘любить Тукая’ – *Тукай шигыръләрен ярату* ‘любить стихи Тукая’;

13) действие и предмет действия: *игәү* ‘напильник, подпилоч’ – *игәү* ‘точить напильником’;

14) название и состояние или свойство предмета (обычно абстрактного): *яңалык* ‘новизна’ и *яңалык* ‘новость.’

Использование метонимии может быть контекстуально свободным, а также ограниченным семантически, ситуативно и синтаксически. Например: *жыләк утырту* ‘сажать ягоды, растение’ – *жыләк жыю* ‘собирать ягоды, плоды этого растения’. В предложении *Гыйлаҗи тутырып бер чокыр эчте* (Г. Ибрахимов) ‘Гиладжи выпил целую чашку’ слово *чокыр* ‘чашка’ подразумевает содержимое этой чашки, напиток, и является семантически связанным с контекстом.

Исходя из вышесказанного можно подразделять следующие виды метонимии:

1) лексическая, номинативная метонимия *язу кәгазе* ‘бумага’ – *кирәкле кәгазь* ‘документ, нужная бумага’;

2) конструктивная метонимия: *Жәлилне яттан өйрәнү* ‘учить наизусть Джалили’; *Бер яктан Бетховен, астан Сен-Санс, форточкадан Чайковский ишетелә* (М. Мәһдиев) ‘С одной стороны доносится Бетховин, с низу Сен-Санс, с форточки Чайковский’. Метонимия, возникающая на базе синтаксических контактов и являющаяся результатом сжатия текста, сохраняет определенную степень зависимости от условий употребления, не создавая нового лексического значения слова: *Мин Тукайны укыйм – салкыннарда Туңа-туңа язган хатлары* (М. Әгъләмов) ‘Я читаю Тукая, письма, написанные им, мерза на холодах’.

Метонимия приводит к образованию и развитию новых значений, тем самым обогащая семантику татарского языка, с этим способом развития значений тесно связано семантическое обновление слов в целом, а также изменение количественного объема обозначаемых словом признаков предмета (расширение и сужение значений).

Одним из видов переносных значений слова является *синекдоха*. Долгое время синекдоху рассматривали в составе метонимии (ситуативная метонимия), лишь некоторые языковеды рассматривают ее как отдельный вид переносных значений [Рефор-

маторский, 1967, с. 80].

Синекдоха (от греч. *synekdoche* – сопереимание, соотнесение, соподражение) – перенос значения с одного явления на другой по признаку количественного отношения между ними: употребление названия целого вместо названия части, общего вместо частного и наоборот [ЛЭС, 1990, с. 283]. Например, *Таң вакыты. Татар йоклый* (С. Рәмиев) ‘Рассвет уже. Спит татарин’. В данном случае слово татар употреблено в переносном собирательном значении, так как речь идет вообще о татарской нации, нежели об одном конкретном представителе.

Синекдоха бывает следующих видов:

1) употребление единственного числа вместо множественного, или наоборот: *сыер башы* ‘голова коровы’ и *сыер башы* ‘счет скота’ (*Көтүдә утызлап сыер башы бар* (Ф. Хөсни) ‘В стаде есть где то тридцать голов скота’). Употребление единственного вместо множественного явление можно рассматривать не как лексико-семантическое, а семантико-синтаксическое и стилистическое, так как слово будь в единственном или во множественном числе не свидетельствует об изменении ее семантики: *Арчаларга баруларым Гөлсирийн өчен генә* ‘Я ездил в Арск только ради Гульсирени (Татар халык жыры).

2) употребление целого вместо отдельной части: *ат* ‘лошадь’ (*Илгизәр нидер кычкырып жибәрде, йөгереп барып атына атланды да кире авылга чапты* (Г. Бәширов) ‘Илгизар что-то крикнул, подбежав, уселся на лошадь и поскакал обратно в деревню’) и *ат карау* ‘смотреть лошадей, быть конюхом’ (*Шәяхмәт исә малайларын читкә чыгармады, Хәкимулланы ат карарга урнаштырды* (М. Мәһдиев) ‘Шаяхмат не отпустил сыновей на сторону, устроил Хакимуллу конюхом’).

3) употребление частного вместо целого: *урман* ‘лес’ (*Урман ала ялангач, ләкин ачылып килә торган яшел бөреләрдән тәмле исләр аңкый* (И. Гази) ‘Лес еще голый, но уже от раскрывающих почек исходит великолепный аромат’) – *урман кисү* ‘рубить лес’ (*Лашман ягына, урман кисеп, сал бәйләргә яландым* (Г. Бәширов) ‘Я записался на лашманную службу рубить лес и вязать плоты’).

4) использование родового названия вместо видового. Например в татарской разговорной речи часто используются имена глав семей или руководителей групп, общин в качестве обозначения самой семьи (группы, общины). При этом имя нарицательное

принимает форму множественного числа: *Яңа елны Әминәләрдә каршы алырга булдык* ‘Новый год решили встретить дома у Амины’.

Также в татарском языке часто встречается употребление других названий, прозвищ вместо имен людей, исходя из характера, внешнего вида человека: *Сакаллы сабий!* ‘Наивный человек’. *Әнә, Тиктормасов бар ич әле* (А. Әхәт) ‘Есть же этот непоседа’.

Синекдоху иногда рассматривают как вид метонимии. Но они отличаются друг от друга. Метонимия – это схожесть, смежность по внешним признакам, а синекдоха – смежность и внутренних и внешних признаков в модальном отношении: *алтын теш* ‘золотой зуб’ – это перенос по материалу и изделию из этого материала (метонимия), и пример синекдохи, *аксак кеше* ‘хромой человек’ и *Аксак килеп китте* ‘Приходил хромой’.

Обычно как и метафору и метонимию синекдоху тоже делят на языковую и индивидуальную. В разговорной речи и в литературе нередко возникают более или менее индивидуальные синекдохи, еще не ставшие достоянием общенародного языка и не закрепленные в словарях.

Выводы к третьей главе

На основе собранного теоретического и фактического материала нами выяснены некоторые закономерности процесса образования многозначности путем переноса значений в татарском литературном языке. Мы классифицировали переносные значения слов на генетически переносные и собственно переносные; полные и частичные, узуальные и окказиональные. Выделили метафору, метонимию, синекдоху и перенос по функциональной общности в качестве разновидностей переносных значений слов.

Процесс метафоризации – явление сложное, которое распространено в татарском языке шире чем все остальные разновидности полисемии. Метафора в языке возникает на основе сходства по форме предметов, по местоположению предметов, по сходству производимых звуков, по внутренней схожести и ассоциации, по сходству действий и процессов, признака действия, производимого впечатления, по сходству признака состояния с признаком, по сходству движения (динамичности), по сходству цвета, размера, плотности и т.д. Проанализированы классификации

предлагаемые исследователями в области лингвистики: представляется классификация метафоры по Н.Д.Артюновой (номинативная, когнитивная, генерализирующая, образная).

Метафора основана на сходстве характеристик: на цвете, форме, характере движений и т.д. Функциональный перенос наименования опирается на материальное сходство, вещи могут отличаться по цвету, форме и т.д., их объединяет общность функций. Это является главным отличием метафоры от функционального переноса наименования.

4. Основой метонимического переноса наименования служат пространственные, понятийные, логические и синтагматические отношения между однородными и неоднородными категориями действительности. Проанализировав языковой материал, выделили метонимию, основанную на переносах: действие и результат действия, действие и место действия, материал и изделие, изготовленное из данного материала, форма 'вместилище' и его содержимое, организация и место расположения этой организации, организация и люди, работающие в ней, помещение и люди, находящиеся там, населенный пункт и его жители, отрасль науки, знания и предмет изучения этой области, социальное мероприятие и его участники, автор и его труд, произведение, изобретение, действие и предмет действия, название и состояние или свойство предмета обычно абстрактного).

5. Мы анализировали синекдоху по употреблению единственного числа вместо множественного, употреблению целого вместо частного, частного вместо целого, использованию родового вместо видового.

Таким образом лексическая полисемия, образованная путем переноса наименований является важным процессом и служит источником развития лексической системы татарского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной лингвистической науке активно развиваются новые направления, изучающие язык с точки зрения его семантических изменений. Одним из активно разрабатывающихся направлений считается семасиология. Основной задачей которой является изучение, описание и сохранение лексического состава языка. Многоаспектность понятия слово становится важным элементом раскрытия как семантического своеобразия национального языка, так и ментального восприятия его носителей. Одним из показателей своеобразия лексики определенного языка является полисемия. Несмотря на то, что в языкознании полисемия довольно подробно исследована, в татарском языкознании до настоящего времени отсутствуют монографические исследования, направленные на раскрытие семантической и функциональной природы многозначных слов. Этим и объясняется актуальность настоящего исследования, в которой впервые в татарском языкознании комплексно изучается лексическая полисемия.

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам:

1. В общей лингвистике существует ряд подходов к интерпретации лексической полисемии:

1) Признание в языке только однозначных слов, причем таких, что каждое из которых соотносится только с одним денотатом. Такой подход характерен для известных лингвистов, например, для А.А. Потебни, Л.В. Щербы, В.В. Колесова, Г. Пауля, Г. Шпербера и др.

2) Признание наличия в языке только многозначных слов. Этот подход характеризует труды В.В. Морковкина, Н.Ю. Шведовой и др.

3) В языке наряду с однозначными существуют и многозначные слова. Данной точки зрения придерживается абсолютное большинство лингвистов, в частности В.В.Виноградов, А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, Д.Н. Шмелев, Р.А. Будагов, Ю.Д. Апресян, Н.М. Шанский, Л.А. Новиков и многие другие.

4) В общем языкознании существует также концепция лексико-грамматической полисемии, которая предполагает не только семантическую производность, но и многозначность на уровне лексико-грамматических классов слов (В.А. Абаев, М.А. Стернина).

В тюркологии проблемы семантики изучаются всесторонне. В последние годы особенно возрос интерес к полисемии и вопросам развития семантики. Появилось множество научных работ и диссертаций в узбекском, казахском, киргизском, туркменском, карачаево-балкарском и других языках. Многие вопросы полисемии изучаются в тесной связи с остальными сторонами семасиологии и лексикологии, в частности с омонимией. Однако необходимо подчеркнуть и то, что обобщающих исследований в области полисемии тюркских народов практически отсутствует. Проблема возникновения многозначности занимает в тюркологии значительное место (Т. Аликулов, М. Миртаджиев, А. Гельдымурадов, А. Назаров, Н. Суфьянова, Д. Батырмурзаева, С. Биджиева). В татарской лингвистике исследование полисемии проводится по аналогии с русским и общим языкознанием (К. Сабиров, Г. Ахатов, Ш. Рамазанов, Ф. Сафиуллина, И.Б. Баширова, Л.К. Байрамова, Ф.А. Ганиев, Д.М. Гапдельганиева и др.).

Изучение полисемии продолжает сохранять свою актуальность для дальнейшего развития различных областей языкознания, при этом следует принимать во внимание как традиционный взгляд на семантическое явление, так и достижения современной лингвистики. В татарской лингвистике исследование полисемии проводится по аналогии с русским и общим языкознанием, и в настоящий момент идет по когнитивному направлению.

2. Под полисемией в татарском языке понимается способность иметь словом одновременно несколько значений, т.е. обозначать различные классы предметов, явлений, действий, процессов, признаков, отношений и т.д. полисемия как лексическая категория – это семантическое отношение внутренне связанных значений, которые выражаются формами одного и того же слова, и разграничиваемых в тексте благодаря разным позициям этого слов.

3. Понятие лексической полисемии может быть противопоставлено таким понятиям как однозначность (моносемия) и омонимия. Они являются крайними полюсами полисемии.

4. При разграничении основных (главных, прямых) и производных (переносных) значений многозначного слова учитывается

парадигматическая и синтагматическая обусловленность слова в отдельных значениях. Основные значения парадигматически более закреплены и в синтагматическом отношении более свободны. Это в общем соответствует определению основного значения как наименее контекстно обусловленного (или значения, которое прежде всего возникает в сознании носителя языка при произнесении слова вне контекста).

5. Слово приобретает лексическое значение в системе языка, когда вступает в многообразные связи с другими языковыми элементами. Новые значения слов возникают в результате семантических преобразований старых значений по законам системы языка. При этом контекст лишь поясняет и конкретизирует значения. В этой связи слово является многозначным и вне контекста. Таким образом, слово – это система лексико-семантических вариантов, которые в совокупности и определяют значение слова, каждый раз поясняясь в различных контекстах.

6. Соотношения между основным и переносным значениями многозначного слова не остается неизменным, у некоторых слов вторично становятся основными, совокупность значений многозначного слова всегда характеризуется определенной организацией, что подтверждается в частности, перераспределением значений слов (изменении ее семантики).

7. Многозначность слова возникает в процессе исторического развития языка, когда слово вследствие семантических переносов, наряду с обозначением одного предмета или явления объективной действительности, начинает использоваться для обозначения другого, сходного с ним по некоторым признакам или свойствам. Одной из характерных особенностей многозначного слова является его способность соотноситься с разными понятиями.

8. Между значениями многозначного слова существует определенная семантическая связь, что дает основание считать их значениями одного и того же слова.

Существуют следующие варианты семного взаимодействия в семантической структуре многозначного слова:

– включение, или такой тип связи лексических значений, при которой производное значение полностью включает в себя производящее, являясь шире его по объему

– пересечение, или такой тип связи лексических значений, при которой имеет место их частичное совпадение.

Многoзначное слово не просто представляет собой сумму взаимосвязанных значений, а является структурой связанных отношением семантической производности лексико-семантических вариантов, которые в свою очередь имеют определенную, иерархическую организацию на основе прямого номинативного значения. Исходя из этого, выделяют следующие топологические типы полисемии:

– цепочная – характеризуется одномерным расположением значений, последовательно связанных друг с другом и образующих единую цепь, как это имеет место.

– радиальная связь значений многoзначного слова, при которой все производные его значения связаны непосредственно с прямым номинативным значением и мотивированы им.

– радиально-цепочечная полисемия (также ее называют смешанной, или комбинированной), принимающая самые различные конфигурации в зависимости от того, какие значения находятся в непосредственной связи.

9. На развитие многoзначности могут влиять как внеязыковые, так и языковые причины. Главными из внеязыковых причин являются две: 1) принцип экономии, оптимизации, 2) способность человека обобщать в слове окружающий мир. Также важную роль играют социальные психологические логические факторы. К внутрилингвистическим причинам многoзначности слов относят образование переносных значений слова взаимодействие литературного языка с диалектами и его вариантами между собой.

Развитию многoзначности слов в исследуемом языке способствуют различные условия. 1) Отсутствие экспрессии и эмоциональной окраски у производящего слова 2) Частота употребления слова, если обозначаемое им понятие актуально. 3) Нечленимость основы слова с морфологической точки зрения. 4) Словообразовательные возможности лексико-семантической группы, к которой относится данное слово.

10. Переносное значение слова – производное лексическое значение слова, связанное с основным значением отношениями метонимической, метафорической зависимости, функциональной общностью или какого-либо ассоциативными признаками.

Связь между значениями многoзначного слова предполагает сохранение в переносном значении того или иного признака, объединяющего это значение с прямым (или с другим переносным), но

вовсе не предполагает тождества всей совокупности сем, выделяемых в каждом из значений.

В языкознании переносные значения слова подразделяются на два вида: генетически переносные и собственно переносные значения. По этому подразделению, генетически переносные значения функционируют в языке наряду с прямыми значениями. Они не обладают эмоционально-экспрессивной окраской, они являются переносными лишь по своему возникновению.

По структуре переносные значения слов бывают двух видов: полные и частичные.

Полисемия, образованная путем переноса наименований делится на: метафору, метонимию, синекдоху, функциональный перенос наименования.

Метафора (греч. *metaphora* – перенос) – перенос наименования одного или иного предмета или явления на другой предмет или явление на основании сходства.

Метафора возникает на основании сходства: 1) по форме предметов; 2) по местоположению предметов; 3) по сходству производимых звуков; 4) по внутренней схожести и ассоциации; 5) по сходству действий и процессов; 6) по сходству признака действия; 7) сходство производимого впечатления; 8) по сходству признака состояния с признаком процесса; 9) сходство движения ‘динамичности’; 10) сходство цвета; 11) сходство размера; 12) сходство плотности.

Метонимия как тип лексической полисемии представляет собой многоплановое явление. Метонимия (от греч. *metonimia* – переименование) – перенос наименования того или иного предмета или явления на другой предмет или явление по смежности.

Основой метонимического переноса наименования служат пространственные, понятийные, логические и синтагматические отношения между однородными и неоднородными категориями действительности, например предметами и их признаками (действиями).

Метонимия может основываться на следующих переносах: 1) действие и результат действия; 2) действие и место действия; 3) материал и изделие, изготовленное из данного материала; 4) форма ‘вместилище’ и его содержимое; 5) организация и место расположения этой организации; 6) организация и люди, работающие в ней; 7) помещение и люди, находящиеся там; 8) населенный

пункт и его жители; 9) отрасль науки, знания и предмет изучения этой области; 10) социальное мероприятие и его участники; 11) автор и его труд, произведение, изобретение; 12) действие и предмет действия; 13) название и состояние или свойство предмета обычно абстрактного.

Синекдоха (от греч. *synekdoche* – сопереимание, соотнесение, соподраумевание) – перенос значения с одного явления на другой по признаку количественного отношения между ними: употребление названия целого вместо названия части, общего вместо частного и наоборот.

Синекдоха бывает следующих видов: 1) употребление единственного числа вместо множественного, или наоборот; 2) употребление целого вместо отдельной части; 3) употребление частного вместо целого; 4) использование родового названия вместо видового

Функциональный перенос основывается на том, что два разных денотата получают общее наименование, так как выполняют одну и ту же или сходную функцию, иными словами, это когда наименования того или иного предмета или явления переносятся на другой предмет или явление на основе их функциональной общности.

11. Употребление слов в прямом и переносном значениях свойственно всем языкам и представляет собой своеобразное явление. Особенность его заключается в том, что использование слова в другом значении, сопровождается употреблением двух разных понятий – исходного и нового.

Таким образом семантические изменения выполняют двоякую функцию. С одной стороны, они выступают в качестве фактора, обеспечивающего преемственности постоянство лексического состава языка. С другой стороны, они являются эффективным средством создания вторичных значений и приводят в конечном итоге к возникновению многозначности лексических единиц. Следует еще раз подчеркнуть, что пути семантических изменений, несмотря на их универсальность и технику осуществления, специфичны в каждом языке.

Явление лексической полисемии в татарском языке, имея свою специфику, связанную с проявлением национальных языковых особенностей, принципиально не отличается от этого явления в других языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

на русском языке

Абаев В.А. О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания. 1957. №9. С. 25–45.

Абдуллина Ф.А. О моделях семантического словообразования в татарском языке // Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы. Казань, 2011. С. 106–110.

Аликулов Т. Полисемия существительных в узбекском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1966. 22 с.

Аничков И.Е. Об определении слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов: сб.ст. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 58–67.

Аничков И.Е. Труды по языкознанию / Сост. В.П. Недельков. СПб.: Наука, 1997. 542 с.

Античные теории языка и стиля. СПб.: Алетейя, 1996. 364 с.

Аппаева Ф.К. Генетически родственные омонимы в карачаево-балкарском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук . Нальчик, 2002. 25 с.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 259 с.

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 252 с.

Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1959. 351 с.

Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1966. 289 с.

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. 354 с.

Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.Т. Многозначность и омонимия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. 132 с.

Артунова Н.Д. Типы языковых знаков. М.: Наука, 1988. 187 с.

Артунова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 54–68.

Афанасьева С.П. Регулярная полисемия абстрактных существительных со значением процесса (на материале английской строительной терминологии): дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1984. 185 с.

Аханов К. Омонимы в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1956. 16 с.

Ахатов Г.Х. Некоторые вопросы системного изучения лексико-семантических категорий татарского языка // Вопросы структуры татарского языка: межвузовский сб. науч. тр. – Казань: 1986. С. 135–143.

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957. 356 с.

Ахметьянов Р.Г. Об отражении регулярного и исторического в татарско-русском словаре // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань, 1976. С. 76–90.

Ахтямов М.Х. Проблема омонимии в современном башкирском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 22 с.

Байрамова Л.К. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия. Казан: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 267 с.

Балалыкина Э.А. Развитие противоположных оттенков в пределах одного слова в истории русского языка // Семантика русского языка в диахронии. Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 1994. С.3–10.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1955. 416 с.

Барлыбаев Р. Расширение и сужение значений слов в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1963. 24 с.

Батырмурзаева У.М. Лексико-семантическая структура слова в кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1996. 33 с.

Бекджанова Р. Омонимы в киргизском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1967. 27 с.

Белеева И.Д. Сопоставительное исследование русских и французских существительных с развитой многозначностью: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 23 с.

Бердимуратов Е. Очерк лексикологии современного каракалпакского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1964. 26 с.

Березин Ф.М., Головин Ф.И. Общее языкознание: учебное пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1979. 415 с.

Беширов Б.Ш. Омонимы в современном кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2002. 20 с.

Биджиева С.Р. Многозначность имен существительных в карачаево-балкарском языке и ее лексикографическая разработка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2001 – 22 с.

Бишев А.Г. Разработка системы значений многозначного слова в толковом словаре // Языкознание. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1980. С.123–126.

Бичурина Г.И. Фразеологическая полисемия в русском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. 169 с.

Богданов С.И. Форма слова и морфологическая форма. СПб: СПбГУ, 1998. 247 с.

Будагов Р.А. Человек и его язык. Москва: Изд. МГУ, 1974. 264 с.

Будагов Р.А. Метафора и сравнение в контексте художественного целого // Русская речь, 1973. № 1. С. 26–32.

Будагов Р.А. Слово и значение. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. 149 с.

Булаховский Л.А. Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1953. 177 с.

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. 175 с.

Введение в литературоведение / Под ред. Г.Н.Поспелова. М.: Высшая школа, 1976. 420 с.

Винарская Е.Н. Выразительные средства текста. – М.: Высшая школа, 1989. 136 с.

Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы

языкознания. 1968. № 5. С. 58–76.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов // Вопросы языкознания. 1953. №5. С. 3–29.

Виноградов В.В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Вопросы теории и истории языка. М., 1952. С.99–152.

Винокур Г.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. 237 с.

Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1960. 400 с.

Вундт В. Проблемы психологии народов. М.: Академический проект, 2010. 136 с.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Наука, 1977. 262 с.

Галиуллина Г.Р. Лексикология современного татарского языка. Казань: Изд-во Казан ун-та, 2002. 67 с.

Галиуллина Г.Р. Татарский язык. Лексикология. (Таблицы, схемы, образцы анализа, упражнения, краткий словарь). Казань: Магариф, 2007. 95 с.

Ганиев Ф.А. Конверсия в татарском языке // Советская тюркология. 1990. №5. С. 38–50.

Ганиев Ф.А. Пути развития лексической системы современного татарского литературного языка // Татар теле һәм әдәбияты. Казан, 1976. 76–84 б.

Галкина-Федорук Е.М. Слово и понятие. М.: Учпедиз., 1957. 54 с.

Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык: Лексика. М.: Изд-во МГУ, 1954. 204 с.

Гаптелганиева Д.М. Многозначность и омонимия в системе татарской глагольной лексики: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999. 172 с.

Гарипова Ф.Г. История в названиях. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 287 с.

Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. М.: Наука, 1979. 278 с.

Гасанов А.А. Омонимия в азербайджанском языке: автореф.

дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1980. 20 с.

Гельдымурадов А. Критерии определения лексических омонимов в туркменском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1974. 24 с.

Гинзбург Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия. М.: Наука, 1985. 223 с.

Гинзбург Е.Л. Одноименность однокоренных производных // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1978. С.134–136.

Головин Б. Н. О типах лексических значений слов русского языка // Учен. зап. Горьковского ун-та. 1960. Вып. 59. С. 61–73.

Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. Лексика. Фоника. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.

Гузев Ж.М. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1985. 196 с.

Диброва Е.И., Косаткин Л.Л., Щеболева И.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. Ч. I. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 413 с.

Жданов О.К. Метонимия как средство обогащения словарного состава французского языка. М.: Наука, 1989. 418 с.

Жирмунский В.М. История немецкого языка. М.: Высшая школа, 1965. 408 с.

Жирмунский В.М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.-Л.: Наука, 1964. 316 с.

Задорожный М.И. О границах полисемии и омонимии. М.: Изд-во МГУ, 1971. 71 с.

Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. Москва: Языки славянской культуры, 2006. 672 с.

Звегинцев В.А. Семасиология. Москва: Изд. МГУ, 1957. 324 с.

Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М.: Наука, 1986. 70 с.

Калинин А.В. Лексика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1978. 232 с.

Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л.: Наука, 1965. 278 с.

Кидирниязова М.И. Полисемия в ногайском языке: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003. 137 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Колесов В.В. История русского языка в рассказах. М. СПб., 2005. 672 с.

Колесов В.В. Исторические основания многозначного слова и лингвистические средства ее устранения. // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. С. 18–28.

Колпакова Г.В. Семантика языковой единицы. К.: Изд. КГУ, 2004. 213 с.

Копыленко М.М., Попова М.З. Очерки по общей фразеологии. Фразеосочетания в системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 191 с.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1984. 280 с.

Кузнецова Э.В. Русская лексика как система. Свердловск, 1980. 89 с.

Курилович Е. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике. М.: Прогресс, 1962. С. 237–250.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

Лаптева О.А. Теория современного русского литературного языка. М., 2003. 312 с.

Лебедева Т.Е. Полисемия в русских народных: на материале имен существительных: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2002. 232 с.

Лексика и стилистика татарского языка. Казань: АН СССР Каз. фил., 1982. 104 б.

Леонтьев А.А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 154–182.

Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 46–73.

Лещева Л.М. Слова в английском языке. Минск: Академия управления при Президенте РБ, 2001. 179 с.

Лещева Л.М. Связь лексических значений в семантической структуре слова (на материале имен прилагательных современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1985. 23 с.

Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. М.: Высшая школа, 1984. 119 с.

Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. М.: Высшая школа, 1974. 202 с.

Метафора в языке и тексте // Сб статей. М.: Наука, 1988. 176 с.

Метхиева Т.М. Полисемия имен существительных в современном азербайджанском языке: дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1984 139 с.

Миртаджиев М. Возникновение лексических омонимов в узбекском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1967. – 28 с.

Морковкин В.В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации // Русский язык. Проблемы художественной речи, лексикологии и лексикографии. Виноградовские чтения. IX–X. М.: Наука, 1981. С. 153–166.

Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: дис. ... канд. филол. наук в виде науч. док. М., 1990. 72 с.

Муравицкая М.П. Некоторые вопросы полисемии. Киев: Изд-во МГУ, 1984. 116 с.

Мусабаев Г.Г. Лексика современного казахского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1960. 56 с.

Мусаев К.М. Тюркская лексикология. М.: Наука, 1984. 228 с.

Мухамеджанов Ш. Переносные значения слов в современном казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1968. 23 с.

Назаров А. Полисемия в туркменском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1974. 24 с.

Ненила Н.Г. Полисемант голова и реализация его словообразовательного потенциала в русском литературном языке и говорах: дис. ... канд. филол. наук. Белград, 2006. 193 с.

Никатуева З.Ш. Полисемия и омонимия в даргинском языке: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003 167 с.

Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетания. Владимир: Изд-во ВГПИ им. П.И.Лебедева-Полянского, 1974. 127 с.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.:

Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. 165 с.

Новиков Л.А. Семантика русского языка М., 1982.

Новиков Д.Н. Разграничение полисемии и омонимии в свете когнитивной лингвистики (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 173 с.

Нугуманова А.А. Метафоры в татарском языке: лексико-грамматический и стилистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 171 с.

Ольшанский И.Г., Скиба В.П. Лексическая полисемия в системе языка и тексте (на материале немецкого языка). Кишинёв: «Штиинца», 1987. 128 с.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Парандовский Я. Алхимия слова. М.: Наука, 1972. 567 с.

Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с немец. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1960. 500 с.

Песина С.А. Полисемия в когнитивном аспекте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 325 с.

Петрущенкова Т.А. Регулярная полисемия глагола и образование новых значений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 21 с.

Поспелов Г.Н., Руднева Е.Г. Введение в литературоведение / Под ред. Г.Н. Поспелова. М.: Высшая школа, 1976. 420 с.

Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления. Вопросы теории и психологии мышления. Вопросы теории и психологии творчества. Т.2. Вып. 2. Сиб.: Издание А.С. Суварина, 1910. 226 с.

Прохорова В.Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке: лекции по спец-курсу. М.: Изд-во МГУ, 1980. 88 с.

Рамазанова Д.Б. Вариативность диалектной лексики татарских говоров юго-западной Башкирии // Нормативность и вариативность в татарском языке. Казань, 1987. С. 68–90.

Рамазанова Д.Б. Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте. Казань : Мастер-Лайн, 2002. 352 с.

Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд., 1971. 252 с.

Рассадин В.И. Лексика современного тофаларского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1967. 42 с.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 415 с.

Реформаторский А.А. Введение в языкознание. М. Просвещение. 1967. 544 с.

Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1999. 536 с.

Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. 443 с.

Сагдеева Ф.К. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия. Казань: Фикер, 2003. 160 с.

Садыкбеков Р. Проблема многозначности слов в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973. 26 с.

Садыкова З.Р. Зоонимическая лексика татарского языка. Казань: Тат. книж. изд-во, 1994. 130 с.

Саманба Л.Х. О границах полисемии и омонимии (на материале абхазского языка). Сухуми: Алашара, 2002. 160 с.

Саттарова З.М. Омонимы в современном крымскотатарском языке (на уровне лексем и словоформ): дис... канд. филол. наук. Казань, 2003. 247 с.

Склярская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 150 с.

Смирницкий А.И. Значение слова // Вопросы языкознания. 1955. №2. – С. 79–89.

Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1956. 260 с.

Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М.: АН СССР, 1955. 481 с.

Советский татарский литературный язык. М.: 1967.

Степанов Ю.С. Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира. М., 1976.

Стернин И.А. Лексическая семантика слова в речи. Воронеж, 1985.

Стернина М.А. Лексико-грамматическая полисемия в системе: языка: Опыт разработки интегральной теории полисемии: дис. ... доктора филол. наук. Воронеж, 1999. 253 с.

Суфьянова Н.Ф. Проблема многозначности в башкирском языке и её лексикографическая разработка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1993. 19 с.

Татаринцев Б.И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М.: Наука, 1987. 202 с.

Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1976. 447с.

Трифонов Е.Н. Полисемия банковских терминов в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 141 с.

Трубачев О.Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. Москва, 1988. С. 197–222.

Ульман С. Семантические универсали // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970. С.250–299.

Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семасиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. 240 с.

Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. 208 с.

Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 1990. 415 с.

Хайруллин М.Б. Проблем развития лексической системы татарского литературного языка. Казань: Фикер, 2000. 202 с.

Хайрутдинова Т.Х. Бытовая лексика татарского языка. Казань: Фикер, 2000. 124 с.

Харитончик З.А. Лексикология английского языка. Минск: Высшая школа, 1992. 148 с.

Харченко В. К. Переносные значения слова. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1989. 100 с.

Чудинов А.П. Многозначность в лексике современного русского языка. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1999. 446 с.

Шанский Н. М. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.

Шендельс Е.И. О грамматической полисемии. // Вопросы

языкознания. 1962. №3. С. 47–55.

Шкилёв Р.Е. Метонимический перенос в устойчивых терминологических сочетаниях (на примере юридической терминологии английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 18 с.

Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики на материале русского языка. М.: Наука, 1973. 280 с.

Шмелёв Д. Н. О третьем измерении лексики // Русский язык в школе. 1971. № 2

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языку и фонетике. Т. 1. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1958. С. 54–91.

Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: Наука, 1972. 416 с.

Юсупов Р.А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань: Тат. книж. изд-во, 1980. 254 с.

на татарском языке

Әхәтов Г.Х. Татар теленең лексикасы: педагогия институты һәм колледж студентлары өчен кулланма. Казан: Татар кит. нәшр., 1995. 93 б.

Әхәтов Г.Х. Хәзерге татар теленең лексикологиясе. Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. 132 б.

Әхмәтжанов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. Дүрт томда. Т.1. Бирск: БГПИ нәшр., 2005. 232 б.

Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи этимологик сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 272 б.

Баязитова Ф.С. Нократ сөйләше. Рухи мирас: гаилә-көн күреш, йола терминологиясе һәм фольклор. Казань, Изд-во «Дом печати», 2006. 240 с.

Бәширова И.Б. Сүз белән сурәт ясау. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 175 б.

Бәширова И.Б. Хәзерге татар әдәби теле. Семасиология: Татар лексикасында системалы бәйләнеш-мөнәсәбәтләр. Казан: Алма-Лит, 2006. 192 б.

Ганиев Ф.Ә. Хәзерге татар теленең лексик системасы үсеш юллары // Татар грамматикасы: Өч томда. Мәскәү: Инсан, Казан: Фикер, 1998. Т.1. 512 б.

Зәкиев М.З., Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле: Югары уку йортлары өчен дәреслек Казан: Мәгариф, 2002. 407 б.

Курбатов Х.Р. Хәзерге татар әдәби теленең стилистик системасы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1962. 192 б.

Поварисов С.Ш. Мәктәптә әдәби әсәрнең телен өйрәнү. Казан: Татар.кит.нәшр., 1976. 128 б.

Поварисов С.Ш. Тел – күңелең көзгесе. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982.

Рамазанов Ш.А. Татар әдәби теле терминологиясенең үсеш юнәлеше. (Тел экспедициясе материалларыннан) // Мәгариф, 1935. №6. Б. 22–32.

Рамазанов Ш.А. Татар теле буенча очерклар. Казан: Татгосиздат, 1954. 200 б.

Сабилов К. Лексикология // Хәзерге татар әдәби теле (Лексика. Фонетика, орфоэпия. Графика һәм орфография. Морфемика). Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. 17–38 б.

Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре сүзлегә. Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. 296 б.

Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология (югары уку йортлары студентлары өчен). Казан: Хәтер, 1999. 288 б.

Сәлимгәрәева Б.С. Хәзерге татар телендә омонимнар. Уфа: БДУ нәшр., 1982. 64 с.

Татар лексикологиясе: 3 томда /авт.: М.З. Зәкиев, Г.Р. Галиуллина, Р.Ф. Фәттахова, Ә.К. Булатова / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. Казан: ТӘҺСИ, 2015. Т. 1. 352 б.

Фасеев Ф.С. Татар телендә терминология. Казан: Татар. кит. нәшр., 1970.

Хаков В.Х. Күпмәгънәле сүзләрнең һәм омонимнарның семантик-стилистик үзенчәлекләренә карата // Исследования по татарскому языку. Казан: Изд-во Изд-во Казан ун-та, 1977. 3–19 б.

Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1993. 256 б.

Хаков В.Х. Тел – тарих көзгесе. Казан, 2003. 295 б.

Ханбикова Ш. Татар телендә синонимия һәм сүзлекләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. 208 б.

Ханбикова Ш.С. Сүздәге антонимик мәгънәләр // Лексика и стилистика татарского языка. Казань, 1981, Б. 3–6.

Ханбикова Ш.С. Сүз һәм аның мәгънәләре // Татар теле һәм әдәбияты. Казан, 1997. Чыг. б. Б. 50–57.

Хатипов Ф.М. Әдәбият теориясе. Казан: Мәгариф, 2000. 351 с.

на других языках

Әхтямов М.Х. Хәзерге башкорт теле. Лексикология, фразеология, лексикография. Өфө: Башкорт дәүләт университеты, 2002. 208 б. (на башк. языке).

Шарапатұлы Ш. Түркі лексикасының семантикалық деривациясы (түркі жазба ескерткіштері мен қазіргі түркі тілдерінің материалдары бойынша). Алматы: Кантана-пресс, 2011. 552 б.

Лексикографические источники

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.

Вәлиди Ж. Татар теленең тулы сүзлеге. Ике кисәктә. Казан, 1927. Кисәк 1. 352 б.

Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. Т. 1. 914 б.

Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1962. Т. 2. 959 б.

Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. Т. 3. 1014 б.

Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге: 2 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Т. 2. 365 б.

Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге: 2 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Т. 1. 495 б.

Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. М.: Советская Энциклопедия, 1965. 974 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. Советская энциклопедия, 1990. 216 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.

Русский семантический словарь. IV: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Отв. ред. Шведова Н.Д. М.: Азбуковник, 2007. 924 с.

Сафиуллина Ф.С. Татарча-русча тел белемнәре терминнары сүзлеге. Казан, 1998.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. 768 с.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда / Редкол.: Л.Т. Мәхмүтова, М.Г. Мөхәммәдиев, К.С. Сабилов, Ш.С. Ханбикова. Казан.: Татар. кит. нәшр., 1977–1981.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / Редкол. Ф.А. Ганиев, К.С. Миңнебаев, Ф.М.Газизова һ.б. Казан: «Матбугат йорты» нәшр., 2005. 848 б.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. М., 1935–1940.

Философский словарь. М.: Изд-во Политической литературы, 1980. изд. 4-е. 444 с.

Хәкимжан Ф.С. Татар теленең аңлатмалы татарча-урусча омонимнар сүзлеге . Казан: Гуманитария, 2004. 216 б.

Художественные источники

Әпсәләмов Г. Газинур. Казан: Татар. кит. нәшр., 1953. 267 б.

Бәширов Г. Әсәрләр. Дүрт томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. Т.1. 458 б.

Ибраһимов Г. Әсәрләр. Сигез томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. Т.2. 477 б.

Кәрим Ф. Разведчик язмалары // Мирас. 2004. №5. 32–49 б.

Камал Ш. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 446 б.

Жәлил М. Сайланма әсәрләр. 5 т. Т.2. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 386 б.

Гафури Г. Кара йөзләр: (иске тормышның миллион корбаннарыннан берсе). Казан: Таткнигоиздат, 1954. 140 б.

Коләхмәтов Г. Сайланма әсәрләр. Казан: Таткнигоиздат. 1950. 120 б.

Мөхәмәдов Ш. Сайланма әсәрләр. Казан: Таткнигоиздат, 1958. 408 б.

Мәһдиев М. Сайланма әсәрләр: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. Т.1. 534 б.

Мәһдиев М. Сайланма әсәрләр: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. Т.2. 576 б.

Мәһдиев М. Сайланма әсәрләр: 3 томда. Казан: Татар. Кит. нәшр., 1996. Т.3. 576 б.

Хәсәнов М. Язгы ажаган. Казан: Татар. китап. нәшр., 2002. 591 б.

Фәйзи Ә. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 432 б.

Гыйләжев А. Сайланма әсәрләр. 5 т. Казан.: Татар. кит. нәшр., 2002. Т.1. 432 б.

Гази И. Алмагачлар чәчәк ата. Казан: Таткнигоиздат, 1951. 60 б.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава I. Лексическая полисемия в лингвистической литературе.....	6
1.1. Изучение полисемии в языкознании.....	6
1.2. Изучении полисемии в тюркологии.....	19
Глава II. Проблемы лексической полисемии в современном татарском литературном языке.....	29
2.1. Полисемия – как языковое явление.....	30
2.2. Внутрисловные связи между словами и топологические типы полисемии в татарском языке.....	46
2.3. Основные факторы и условия, способствующие многозначности слов в татарском языке.....	54
Глава III. Лексическая многозначность слов, возникшая при переносе значений.....	65
3.1. Переносные значения слов.....	65
3.2. Метафорический перенос наименования.....	70
3.3. Метонимический перенос наименования.....	78
Заключение.....	86
Список литературы.....	92
Лексикографические источники.....	104
Художественные источники.....	105

Научное издание

Булатова Альфия Каримовна

**Полисемия в современном
татарском литературном языке**

Редактор *Д.Р. Галиуллина*

Компьютерная верстка *Д.Р. Галиуллиной*

Дизайн обложки *А. В. Булатова*

Печать офсетная. Гарнитура «Times».

Формат 60×84 1/16. Усл.- печ.л. 8,71.

Тираж 200. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12